

Ирина Лазаренко

Клятва золотого
дракона

Снежный Ком: Вакцир

Ирина Лазаренко

Клятва золотого дракона

«Снежный Ком»

2020

Лазаренко И.

Клятва золотого дракона / И. Лазаренко — «Снежный Ком»,
2020 — (Снежный Ком: Вакцир)

Когда-то гномы-воины, создатели разумных машин, едва не истребили живших под землей драконов, и те вынуждены были уйти наверх, дав гномам Слово никогда больше не возвращаться в подземье. В надкаменном мире эльфы обманом выманили у драконов новое Слово и заключили их в тюрьму Донкернас. Драконы не могут покинуть её, не утратив своей ипостаси, ведь каждого связывает клятва, данная старейшими: за ядовитых драконов дал Слово Вронаан, за снящих ужас сказал Слово Осналор, за ледяных драконов Слово дала Хшссторга... Но ни гномам, ни эльфам никто не давал Слова за золотых драконов, потому что там не было золотых драконов. Их вообще не бывает. Спустя сотни лет тот, кого не бывает, вырвется из тюрьмы Донкернас и отправится туда, где всё начиналось: в гномский Гимбл, где за пределами последнего обитаемого города плодятся невиданные прежде чудовища, где копят силы и злость отщепенцы а-рао, где бродят духи погибших в войне драконов, гномов и разумных гномских машин.

© Лазаренко И., 2020

© Снежный Ком, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ирина Лазаренко

Клятва золотого дракона

Если хотите получить звук высшей пробы – закутайте его в тишину

Глава 1

предгорья Такарона, десятый день сезона свистящих гейзеров по гномскому календарю

– Слыхал, Конхард? Из Донкернаса сбежал дракон!

Гном в ответ на этот безобидный вопрос глухо рыкнул и так хряснул кулаком по столу, что едва не свалил его, и в стоящей перед ним кружке взволновалось пиво. Харчевник на миг вжал голову в плечи.

– Да ты чего, Конхард, я ж просто сказал...

– Я те дам «просто»! – пророкотал гном. – Все вы «просто», вашу мать людскую, третий день над ухами мне «бз-з» да «вз-з», «Конхард, там дракон, Конхард, расскажи про драконов, Конхард, покажи про драконов!»

И гном действительно показал лицом нечто монструозное, отчего харчевник мимолётно съежился еще раз. Посетители-эльфы глядели на шумного гнома снисходительно или с презрением, немногочисленные люди – неодобрительно, но в то же время каждый из гостей всеми силами скрывал свой живейший интерес.

А как не быть живейшему интересу, когда из Донкернаса сбежал дракон, а на террасе харчевни у самого, считай, Шарумара сидит гном? Притом не какой-нибудь вершинник, а полновесный гном из подземного Гимбла – это понятно по длинным волосам с проседью, стянутым в хвост на затылке, по выбритым вискам и вытатуированным на них наковальням.

Лишь один гость харчевни смотрел на гнома с интересом не скрываемым, а явственным и даже восторженным. Был это... с первого взгляда казалось, будто эльф, но нет – человек, просто похожий на эльфа длинными волнистыми волосами, высокими скулами, неуловимой грацией танцора и чудными глазами цвета жидкого золота – таких глаз не бывает у людей в этих краях. Он сидел, подавшись вперед, жадно прислушиваясь к разговору, и живо блестели его необычные глаза, и пальцы, держащие кружку с пивом, напряглись так, что побелели костяшки, а плащ из тонкой кожи укрывал его плечи, словно крылья – летучую мышшь.

– Я в драконах не разбираюсь, – уже тише, но с гулким горловым рыком повторил Конхард, прищурился на харчевника, выдвинул вперед челюсть, – и слышать не желаю про них, а будешь настырничать – так позабуду, что знаю тебя уже прорву лет, и по башке насандалю, понял меня?

Харчевник покосился на рукоять молота, торчашую над столешницей, и быстро кивнул. На самом деле, он не то чтобы очень уж испугался – яркий нрав Конхарда он неплохо изучил за эти годы и знал: гном впадает в буйство без всяких предупреждений, так что если в первый же миг не зарядил тебе в глаз или не снес молотом голову – значит, обошлось.

Однако и совсем успокаиваться гном явно не желал – видно, настырное любопытство людей действительно допекло его за эти дни, и он весьма бурно отреагировал на многозначительный взгляд, который харчевник бросил на человека с золотыми глазами.

– Что это вы переглядываетесь, а? Я вижу! – Конхард хотел хлебнуть из кружки, но слишком уж размашистым движением поднес ее ко рту и едва увернулся плеска пива, почти задевшего его стеганую куртку. – Ну? Чего переглядываетесь?

– Да ничего такого, – замахал руками харчевник, – просто этот паренек, Илидор, спрашивал попутчика до Гимбла, так я и подумал...

Гном медленно обернулся и с непонятным выражением лица следил, как человек, названный Илидором, поднимается из-за стола и идёт к нему. Идёт и улыбается, не натянуто и не заискивающе, а так открыто и радостно, точно вместо Конхарда на лавке лежит гора леденцов.

Да, Илидор не был вполне обычен для человека, но все-таки на эльфа он еще меньше похож, решил гном – разве что этими странными глазами, не желтыми, какие бывают у степных человеческих племен, а именно золотыми, искристыми, как будто состоящими из горстей крошечных начищенных монеток. И еще волосы, слишком уж густые, волнистые, блестящие, чисто эльфские. Одежда на нем была обыкновенная, ничем не примечательная – изрядно потертые шерстяные штаны, рубашка без ворота со свободными рукавами, не то синевато-серая, не то когда-то синяя, а теперь застиранная, и плащ дурного кроя, с двумя укороченными полами вместо одной. Никакого оружия Илидор при себе не имел, и тем это страннее, потому как он явно неместный – быть может, кедиец, подумал Конхард: про заморских кедийцев ничего толком не известно, так что выглядеть они могут как угодно. Может статься, конечно, что Илидор – эльфская полукровка, но, говоря по правде, скорее верится в кедийца.

Он подошел, всё глядя на Конхарда, как на что-то очень хорошее, отчего гном немедленно испытал труднопреодолимое желание сделать нечто совсем обратное, то есть очень плохое.

– На кой тебе попутчик? – пробурчал он и отхлебнул пива.

– Я дороги не знаю, – еще шире улыбнулся Илидор.

– Ты что, больной? Все пути ведут в Гимбл! Пойдешь на север по любой из дорог – рано или поздно упруешься во врата. На кой тебе попутчик, повторяю?

– Мне нужно в Гимбл быстро, – Илидор не переставал улыбаться, широко, открыто, но глаза его вдруг сверкнули, а голос обрел каменную твердость, от которой Конхард помимо воли подобрался, выпрямился и даже едва не отодвинул кружку с пивом. – И я бы хотел прийти туда с местным жителем.

К счастью, Конхард в этот миг не пил, иначе точно бы поперхнулся.

– погоди, так ты не на рынок идешь? Хочешь... ты хочешь попасть внутрь?!

От такой наглости гном свесил челюсть до самой столешницы, а Илидор весело кивнул и без приглашения уселся напротив. Харчевник тактично отошел подальше, и тишину за столом не нарушало ничто, кроме зудения мелких ранних мух, которые вились вокруг огрызка колбасы, недоеденного предыдущим посетителем.

– Я не прошу провести меня через врата, – Илидор улегся грудью на столешницу и заглянул в кружку Конхарда, – если только ты сам не захочешь помочь, конечно. Мне просто нужно к ним попасть, и стражи будут сговорчивей, если я приду с местным гномом, правильно же?

– Нет, – передразнил его всё еще опарашенный Конхард, – неправильно!

– Ладно, – не расстроился Илидор, выпрямился на лавке, положил руки на стол. – Так возьмешь меня с собой?

Гном собирался грубо ответить, что, разумеется, не возьмет, но улыбка Илидора была такой искренней и задорной, что Конхард сам не заметил, как разулыбался в ответ, словно миг назад не пребывал он в дурном расположении духа, и подумал: да отчего нет-то? Компанию в дороге гном очень уважал, поскольку любил поболтать, и уж тем более компания пригодится при проходе через Шарумар, язвы его в башни, через нарядный душистый Шарумар, который Конхард почти ненавидел, и который почти ненавидел Конхарда.

– Ладно, – решил он, – возьму тебя с собой, только с условием: держаться рядом, не нудить и в случае чего подсоблять. Я тебе даже меч дам на время пути – остался от предыдущего подсоблятора.

Золотистые глаза Илидора на миг съехались в кучу.

– От предыдущего? Он погиб? Такая опасная дорога?

– Дорога нормальная, – гном отодвинул кружку и покосился на свой молот, стоящий у стола, – если пообещаешь не заговаривать со мной про драконов, то, вернее всего, в полной сохранности доберешься до Гимбла.

* * *

Дорога была не просто «нормальной», а даже немного праздничной: ровная и широкая, идеально гладкая и чистая, словно никогда не ступала на нее конская нога, не катилось тележное колесо. По краям – невысокие густые кусты с тонкими листьями и сочно-желтыми цветами-свечками, за ними – свежие зеленые луга с цветущими розовыми вишнями и пахучими виноградниками. А впереди – нарядный серокаменный Шарумар, весь и изящных башенках, резных балюстрадах, стройных зданиях, остроконечных окнах. За ним виднелись серо-зеленые горы Такарона, смущенно укрывшие головы облаками, словно не желающие, чтобы их сравнивали с шарумарским великолепием. В свежем воздухе носилось звонкое пение птиц и запах цветущей вишни.

Очень, очень странно выглядел на этой дороге немолодой гном, припорошенный пылью, коренастый, сутулый, с висящим за спиной огромным молотом и котомкой на плече, и всем своим видом показывающий, что есть жизнь за пределами Шарумара. А вот его спутник, шагающий налегке и едва не вприпрыжку, отменно соответствовал этому месту: было в нем эдакое эльфское или же кошачье изящество, словно он не шел, а перетекал по дороге, и волосы его блестели под солнцем, и золотистые глаза сияли, и улыбка то и дело трогала губы. Негромким, неожиданно глубоким голосом он напевал себе под нос какой-то бодрый мотив без слов и жмурился солнцу так, словно очень долго его не видел, хотя лицо его выглядело если не загорелым, то и не изможденным без света, как это бывает у людей, подолгу сидящих в четырех стенах.

Илидор жадно впитывал всё: вид сказочно-величественного города впереди, прозрачный воздух, полный сладкого запаха и птичьих голосов, светлое небо с редкими прожилками сероватых облаков. А Конхарда всю дорогу преследовало идиотское ощущение, будто в следующий миг Илидор раскинет руки, вдохнёт глубоко-глубоко и упадёт в это небо, как в воду, и еще Конхарду передавалось воодушевление Илидора, сливалось с обычной энергичностью самого гнома, отчего тоже хотелось расплываться в улыбке и напевать.

Он охотно расплылся и напел:

*Как бы эльфам-остолопам
Чтоб аж ветер в ушах свистнул,
Поскорее спрыгнуть в пропасть,
Да на дне её прокиснуть!*

Илидор поперхнулся своей бессловесной мелодией и тут же расхохотался во всю глотку, распугивая птиц в придорожных кустах. Смех его был таким заразительным, что Конхард тоже взоржал, вдвойне довольный откликом на свой шуточный экспромт, который, что там скрывать, считал весьма удачным для гнома.

– Не любишь эльфов? – наблюдательно заметил Илидор.

– Терпеть не могу, – Конхард стукнул себя кулаком в грудь, и на стеганой куртке остался вдавленный след. – Дела вести с ними никак нельзя, ты понимаешь, никакой возможности нет, приходится аж в Уррек бегать, в земли людей, а всё отчего?

Конхард ожидал, что Илидор подхватит шутку, но тот явственно ждал продолжения, и гном, удивленно шевельнув бровью, сам закончил:

– Потому как эльфы высоченные слишком. Люди-то пониже будут.

Илидор странно изогнул шею, точно одним ухом прислушивался к доносящимся из-под земли звукам, искоса посмотрел на гнома, который был ниже его всего на полголовы, и огорошил:

– А я думал, это потому, что эльфы слишком важные.

– Ну да, – Конхард поскреб подбородок. – На самом деле так. Я думал, все знают эту шутку, но ты, видать, совсем издалека.

Илидор улыбнулся уголком рта и ничего прояснять не стал, да гному оно не очень-то было и нужно.

– Уж всерьез думаю обходить Шарумар, – поделился он доверительно. – Через него напрямик, конечно, удобно, но какие ж задавалы тут живут, просто страх невыносимый, нигде не встречал таких мерзких эльфов, как в Шарумаре. Меня один раз даже чуть из города не изгнали, потому как сцепился я с одним... ну да и ладно, не больно-то хотелось. В другой раз в обход пойду, вот помяни моё слово! Да ты сам всё увидишь, вот увидишь, какие ж они тут гадостные, эти эльфы с ушами!

* * *

Идти с Илидором по улицам Шарумара было и смешно, и немного раздражающе, и... воодушевительно, что ли. Никогда еще Конхард не видел никого, кто бы так искренне и рьяно впитывал в себя незнакомые места, так жадно окунался в них, дышал ими. Илидор едва смотрел под ноги: он вертел головой, разглядывая фигурно стриженные кусты, кованые вывески и указатели в завитушках, ползущие по серым стенам зеленые лозы и резные ставни. Потом он задирает голову, чтобы разглядеть длинные окна и витражи, и навесные балконы, а еще – как там, высоко-высоко, шпили башенок впиваются в небо. И прикрывал глаза, вбирая звуки эльфского города: звон дверных колокольчиков, треньканье лютни на террасе харчевни, оживленные голоса, мелодичный смех. Он глубоко вдыхал воздух, полный сладких цветочных ароматов, он мурлыкал себе под нос, он то и дело принимался кружиться по широким улицам и зеленым бульварам, при этом умудрялся ни обо что не спотыкаться и даже не запинаться о свисающие с пояса потертые ножны с мечом, которые выдал ему Конхард.

Чувства переполняли Илидора, выплескивались из него, вихрились вокруг него и заражали восторгом гнома, который видел Шарумар уже очень много раз и в обычное время особой радости от него не испытывал. Но сейчас Конхард был так доволен, что открыл этот город для своего спутника, что испытывал к Шарумару почти нежные чувства и всё время расплывался в улыбке.

Во всяком случае, пока они не вышли к Храмовому бульвару. Тут улыбка гнома стихла, зато Илидор при виде белого купола и поющей жрицы едва не завопил от восторга.

Храм словно выныривал из буйно-зеленой растительности – невысокая коробка в один этаж с широченным белым куполом. Людская постройка, людская вера, которой только безумные деньги и такое же безумное влияние могли проторить дорогу в эльфские города вроде Шарумара. И ровно на перекрестке бульвара и дороги к храму стояла немолодая статная жрица в голубой мантии, стояла и пела – негромко, но очень проникновенно. Песня её рассказывала про солнечный свет, без которого не появилось бы в мире ничего живого, про крошку отца-солнца, горящую внутри каждого человека и делающую его живым, что этот кусочек создателя внутри нас ждет от всякого человека отваги и славных дел, которые принесут миру величие, сравнимое с величием солнца, которое дало миру жизнь. И что Храм будет всячески прославлять и чтить каждого, человека, эльфа или гнома, который бросит вызов темноте в себе и вокруг себя.

Илидор слушал это пение и с лучезарной улыбкой, сияя глазами хлеще солнца, приближался к жрице.

– Да ты что! – Конхард схватил его за полу плаща, чтобы оттащить, и тут же отдернул руку: ему показалось, будто плащ встрепенулся в ладони.

– Что? – удивился Илидор, но остановился.

Гном отер лоб. Чего не причудится от жары! В людском городе он бы расстегнул или снял куртку, но не в эльфском: слишком въедливые запахи у здешней розовой вишни, аж тошнит от этой сладости, когда она въестся в одежду, и удолбаешься его выстирывать, и чем больше одежды, в которую впитается запах, тем больше потом от него тошнит и тем больше потом стирать.

– Не подходи к ней, – Конхард ткнул пальцем в жрицу.

Та словно и не заметила, продолжала, улыбаясь, напевать про солнечный свет, звон монет, запах грозы, стрелы судьбы и еще что-то подобное. Взгляд её скользил по лицам редких прохожих. Некоторые улыбались ей в ответ, и тогда вокруг глаз жрицы намечались лучики морщинок, а некоторые эльфы и люди отворачивались, не желая встречаться с ней взглядом – и не похоже, чтобы это её расстраивало. Она тихонько пела, улыбалась, чуть поводила руками, намечая движения.

– Жрицы солнца – страшные твари, – Конхард брюзгливо выпятил нижнюю губу и потащил Илидора прочь, – только задержи на ней взгляд подольше, только подойди и скажи слово! Не успеешь оглянуться – уже окажется, что подрядился убить каких-нибудь чудищ на морском побережье, пропасть знает как далеко, поскольку их существование губительно для каких-нибудь людей, которых ты в жизни своей не видел. Или ты теперь должен переться к забытой богами ферме, чтобы уничтожить там кикиморовые норы и спасти фермеров от неурожая, как будто это твоя печаль, что они сами не могут сладить с кикиморами! Не, ну ты точно совсем издалека!

– Жрицы платят за убийство чудищ? – весело переспросил Илидор и оглянулся, ярче засверкав золотом в глазах: похоже, ему эта идея пришла весьма по вкусу.

Конхард выпустил, наконец, его плащ. Странная ткань, бархат – не бархат, кожа – не кожа. С виду совершенно обычный плащ из непромокаемой «щучки», только кроя дурацкого, а на ощупь – не пойми что такое.

– Храм платит за чудищ, да. Они говорят, это их способ нести свет солнца в мир или что-то вроде такого. Ты если хочешь в это впутаться – так я тебе не мешалец, я спокойно своей дорогой пойду дальше в Гимбл, ты мне меч только верни.

Илидор досадливо цокнул языком и, кажется, едва удержался, чтобы не топнуть ногой, до того ему почему-то понравилась мысль носиться за монстрами не пойми куда. В последний раз обернулся на жрицу и последовал за гномом.

Они шли по широкому бульвару, мимо весело звенящих фонтанов и высоченных мраморных статуй, которые изображали, судя по всему, каких-то великих эльфов прошлого. Навстречу попадалось и много самых обычных эльфов из плоти и крови, которые держались ничуть не менее надменно, чем каменные. Большинство словно и не замечало чужаков, некоторые же провожали их такими взглядами, какими могли бы смотреть на лишайную крысу, отгрызающую нос одной из этих мраморных статуй. Еще на бульваре было немало стражников в легких кожаных доспехах, и те тоже внимательно следили за пришлыми, и глаза у стражников были ледяные и колючие, как сосульки.

– Кочерыжки спесивые, – бурчал Конхард, нарочито вразвалку шагая по нарядному бульвару. – Видишь, почему я не хочу тут ходить? И ведь они не всегда такие, ты понимаешь, просто они видят, что мы с пустыми руками идем, а значит, не интересны им, и хорошо бы нам ходить где-нибудь в других местах, раз так. А придешь сюда с товаром – так все эти эльфы с ушами становятся такими приветливыми, ну чисто леденцовые палочки в куче навоза! Если б мы зашли в торговые кварталы, ты б увидел, сколько там людей и гномов толчется вокруг лавочек и банков, и как уважительно с ними говорят эти эльфы с ушами, когда другие желают

им что-нибудь продать или что-нибудь у них купить. А в этом районе – сплошное тьфу ты, но здесь выход на мост, что ведет к удобной тихой тропе на Такарон.

Внимательный человек мог бы подметить, что основная доля презрения местных жителей доставалась гному, на Илидора же смотрели равнодушно или даже с интересом, а он, словно не замечая этих взглядов, негромко напевал себе под нос приятную и не по-прогулочному сложную мелодию, сиял золотыми глазами и шел вперед так, словно едва сдерживается, чтобы не заплясать или не побежать, словно его тело распирает энергия, которую немедленно хочется куда-нибудь деть.

Немногочисленные люди, гуляющие по бульвару или занятые какой-нибудь работой, почти не обращали внимания на гнома и человека.

Конхард вел Илидора к одной из многочисленных лестниц, выложенной из белого камня. Широкие ступени, каменная резьба балюстрад, изящно-волнистые перила – наверняка не обошлось без магии при постройке этих лестниц, да что там – всего города. Разве можно усилиями одних лишь мастеров создать такое светлое, просторное, душистое великолепие у подножия гномских гор?

Эльфам, ясное дело, интересны были именно горы. И порт, скромно укрытый от глаз высоченными зданиями и густыми парками, как будто вовсе не ради этого порта и этих гор строился город Шарумар. Нет, именно ради гор, ради Гимбла, из которого гномы-трудяги тащат драгоценные камни и драгоценные металлы, и удивительное оружие и... нет, своих удивительных помощников, живых существ, созданных из стали и обсидиана и упорно называемых «машинами», гномы наружу не выводят. Но кое-какие детали, для обыкновенных машин, всё-таки продают. И очень высоко все эти дорогие и удивительные вещи ценятся за морем, а в море очень удачно впадает река Бирель, на берегу которой стоит Шарумар.

Пару пролетов поднимались молча, и всё более захватывающим становился вид города внизу, но Илидор всякий раз возвращался взглядом к статной фигуре в голубой мантии на площади.

– Нет, ну как же красиво поёт! – всё-таки не выдержал он.

– Зацепило, да? – словно бы не поверил Конхард и, решительно выдохнув, пошел на штурм нового, особенно длинного и загогулистого пролета. – Ну ага, красиво, наверное. Только тошнит уже от их пения, ты знаешь, даже до Гимбла эти твари добрались...

– Жрицы? – обрадовался Илидор.

– Да не жрицы, а весь ихний храм, вперлись пару лет назад вместе с новым людским посольством, отгрохали себе хатку с белым этим, куполом, и вещают там, и поют...

– И платят за убийство монстров из глубин? – Илидор потер руки с таким видом, словно ему предложили нечто изумительно вкусное.

– Да тебе что? Ты в Гимбл не попадешь, говорил же, даже если я за тебя поручусь, ф-фух. Хотя с чего бы мне за тебя ручаться, я тебя первый день знаю, ну да и это не важно, потому как...

Гном не успел договорить: лестничный пролет наконец закончился, и они оказались на очередной площадке с цветочными горшками, резными балюстрадами и видом на Шарумар – невинно-прекрасным выглядел город, наполненный солнечным светом и запахом цветов, и его парки, и неслышимые здесь журчащие фонтаны, и серокаменные здания с балконами и башнями. Но было ясно, что сейчас Конхарду и Илидору станет не до городских красот: по площадке к ним вразвалку шагали, явно обрадованные нежданной потехе, пятеро эльфов. Совсем молодые, в ярких рубашках, обтягивающих штанах и высоких сапогах с толстыми каблуками, увидев которые, гном фыркнул. Определить, кем могут быть эти эльфы, Конхард не взялся бы: уличные задиры, сынки богатеев, а может быть, каменщики или садовники? Всякое бывает в Шарумаре: тут даже рабочие способны так наряжаться, словно собираются попасть на прием к королю. Во всяком случае, с гномской точки зрения, выглядит это именно так.

– Эй, гном! – воскликнул самый мелкий эльф, конопатый, нервный и всем своим видом напоминающий скорее крысу, нежели эльфа. – Ты слыхал про дракона из Донкернаса? Знаешь, небось, как он сбежал, а? Расскажи нам! Это ж был наш дракон!

– А я уж боялся, что сегодня меня никто больше про это не спросит, – рыкнул Конхард и упёр руки в бока. – Отчего вы такие глупые, если умники? Не разбираюсь я в драконах, ясно вам? Не разбираюсь и хочу пройти по этой лестнице дальше! Ну?

Эльфы, разумеется, и не подумали освободить дорогу. Четверо с хитрыми лицами поглядывали на пятого, самого высокого и длинноносого, который стоял на полшага позади всех.

– Конечно, он не разбирается в драконах, – протягивая слова, пояснил эльф и скрестил на груди руки с таким видом, словно позировал для картины. – Это торговец, оружейник, видите клейма на его висках? Рабочая особь, приземлённейшее из существ.

Конхард поднял брови с выражением самого вежливого недоумения, какое способен был изобразить.

– Дракон же – существо высшего порядка, – продолжал вещать эльф.

Ни он, ни другие словно не замечали ни реакции гнома, ни присутствия рядом с ним Илидора, который смотрел на держащего речь заводилу с широченной улыбкой и полнейшим восторгом, как на презабавного и совершенно придурочного зверька.

– Что-либо смыслить в драконах может только недюжинный ум. Не уверен, что во всем Гимбле найдется подобный. Возможно, король... Впрочем, нет. С тех пор, как гномы победили драконов, они так измельчали, что даже их король теперь должен быть не умнее домашней кошки!

– Не, ну он же нарываётся! – одобрительно гыкнул Конхард и ухватил за рукоять свой молот. – Вашу мать эльфскую, ни дня без приключений!

Илидор громко расхохотался, и эльфы от неожиданности отпрянули.

– Я надеялся, до этого не дойдет, – сквозь смех пояснил он, но его всё равно никто не понял.

Впрочем, никто и не пытался. Эльфы ухмылялись, у одного в руках появилась дубинка с железными шипами, у другого – меч, конопатый отступил на два шага и сунул руку под куртку.

– Не позволю говорить гадости про своего короля Югрунна Слышателя! – отрезал не убоившийся гном.

– Вам тут не место, коротышки, – покачал головой длинноносый, и в его руке неохотно возник маслянистый сгусток пламени. – По приличным городским кварталам могут ходить только эльфы, потому сейчас мы отрежем вам ноги, чтобы вы больше никогда так не делали.

Конхард рыкнул, перехватил поудобнее молот, Илидор рванул из ножен меч. Конопатый вытащил из-под куртки руку с небольшим самострелом, но получил от Илидора пинок в живот, выронил оружие, закашлялся. Конхард взревел так, что его наверняка услышали на самом Храмовом бульваре, и бросился на длинноносого, тот швырнул в гнома сгусток пламени, промахнулся на пол-ладони, и огонь улетел к ближайшей башенке, по пути распадаясь на отдельные горячие капли. Илидор отступал к перилам, поводя перед собой мечом, но двое эльфов надвигались на него, длинноносый бормотал новое заклинание, а эльф с шипастой дубиной наседавал на Конхарда, который едва успевал отбивать удары тяжелым молотом и всё не мог улучшить миг, чтобы хорошенько им размахнуться.

– Гном! Человек! – рявкнул вдруг с верхнего лестничного пролета командный голос, который мог принадлежать только стражнику. – Убрать оружие!

Наверху затопотали по ступеням несколько пар ног, и тут же донесся с нижнего пролета новый стражничий вопль:

– Нападение! Нападение на эльфов!

Снизу тоже затопали.

– Нет, я и впрямь надеялся, что до этого не дойдет! – с чувством вскричал Илидор и вдруг сунул меч обратно в ножны.

Стражники с верхних и нижних ступеней достигли площадки одновременно, кинулись к гному и человеку, пятеро эльфов прыгнули в стороны, Конхард отчаянно взревел и почти было прыгнул на стражников, бегущих снизу, но остановился, потому что происходило нечто странное. От Илидора тянуло жаром, словно от лавового озера, он стоял, раскинув руки и подняв лицо к небу, зажмурившись, и блестящие золотые кудри плескались за его за спиной, и время вокруг него словно заledenело, эльфы увязли в этом времени, как мушки в слюде, сделавшись неловкими и медлительными. Конхард и сам почувствовал, что его движения изменились, словно теперь он шевелился во сне, а не наяву, молот стал весить больше его самого... И почти сразу время ускорило снова, стражник с верхней ступени уже начал заносить над Конхардом свой меч – и тут Илидор выдохнул, распахнул глаза, сияющие, как чистейшее золото на ярчайшем солнце – нестерпимо, невозможно сияющие. Их блеск ослепил всех вокруг, у Конхарда брызнули слёзы, он выругался, крепче перехватил свой молот, слепо замотал головой и вдруг почувствовал, как рядом с ним откуда-то появилось нечто большое, из-за чего на балконе сделалось тесно. Потом снизу, со стороны парка понеслись истошные вопли, а Конхарда грубо схватили за бока и оторвали от земли.

Гном вопил, дрыгал ногами, мотал головой, смаргивая слёзы, бестолково махал своим молотом. Стражники, побросав мечи, орали и бежали подальше от балконной площадки. Эльфы-задиры прятались за огромными горшками с пушистыми розовыми цветами, а длинноносый бесславно лишился чувств. На улицах Шарумара поднялась суматоха, визг и паника.

Не каждый день приличные эльфы видят, как золотой дракон, невыносимо сияя на солнце, уносит вопящего гнома к горам Такарона.

1.1

Илидор, никогда не видевший этих гор, умудрился не сильно промахнуться с направлением и донес Конхарда до одной из обходных троп на пути в Гимбл.

Довольно долго гном сидел на камне, вцепившись ногтями в вытатуированные на висках наковальни, чуть покачиваясь, и шипел, словно у него болели зубы, а Илидор с видом фокусника, провернувшего отменный номер, устроился на большом валуне – рука на согнутом колене, вторая нога свесилась с валуна и покачивается в такт бессловесному пению. Слова он выговаривать не мог, потому что улыбался во весь рот.

– Твою мать нелюдскую, – приговаривал Конхард, всё покачиваясь, – как это ты забыл мне рассказать, что ты дракон?

– А кто в харчевне велел не заговаривать про драконов? – возражал Илидор с такой обескураживающей искренностью, что Конхард лишь мычал и сильнее вцеплялся ногтями в свои виски.

То и дело он поднимал голову и спрашивал:

– Нет, ты соображаешь, что делаешь? Дракон возвращается в горы Такарона, сам возвращается, да еще сует свою дурную башку прямо в Гимбл!

Или:

– Как я могу верить дракону? Я же гном! Я гном! Считаешь, если спас меня, так это что-то меняет, да?

И еще:

– Как ты себе это представляешь: я просто прихожу к воротам Гимбла и говорю, что вернулся с драконом?

А потом:

– Только Югрунн Слышатель вправе решать, может ли чужак пройти в Гимбл! Тем более – *такой* чужак! Ты думаешь, я могу вот так взять и потребовать встречи с королём?!

Илидор напевал и жмурился солнцу. Горный ветер пах вековой пылью, горькими травами и водой в глубине скал, а из недр подпевали драгоценные камни, заставляя кровь бурлить еще сильнее. У дракона было совершенно восхитительное настроение.

* * *

С каменного уступа, покрытого толстым слоем мха, была хорошо видна торговая площадь перед Гимблом: здесь гномы-вершинники торговали с приехавшими издалека эльфскими и человеческими торговцами. Временами, преодолев неблизкую дорогу и медленную выпускную систему, сюда же выбирались за покупками и глотком воздуха люди и эльфы из посольств, работающих в Гимбле: далеко не всё, чего они желали и к чему привыкли, водилось под землей, а уж солнечного света там и подавно отродясь не было.

Площадь была устроена на естественной арене среди серых скал. Небольшими плоскими камнями выложили круги, разграничивающие отдельные прилавки, лавочки и секции: здесь вершинники продают драгоценности, дальше – всякие детали из стали, тут оружейные лавочки, вот сюда люди привозят вяленое мясо, зерно и сушеную рыбу, а там эльфы торгуют саженцами, тонкими кожами, яркими тканями. Сюда, на уступок, не долетали ни гомон, ни запахи, и оттого площадь казалась чуточку ненастоящей.

Справа от нее, в конце самой широкой дороги, виднеется загон для лошадок, неподалеку грудятся телеги и возки, площадь заливают солнечный свет, нависают над ней в удивлении скальные обломки, а дальше, еще дальше, отделенные от всего этого оживления совершенно пустым пролетом дороги, хмурятся ворота Гимбла. По виду – вырезанные из того же серого горного камня, украшенные резьбой, стальными оковками и гигантскими, наверняка декоративными замками. К воротам, вырезанным в скале, ведут три широкие ступени, и на верхней виднеются фигурки стражников, едва ли не мельче дверных замков.

Илидор едва удостоил взглядом врата, зато бурлящую площадь оглядывал с большим воодушевлением, всматривался в какие-то вещи или в торговцев – не понять. То улыбка озаряла его лицо, то в удивленном «О-о!» округлялся рот, пару раз Илидор покачал головой, словно не мог поверить чему-то из увиденного. Золотые глаза его сверкали под солнцем, как начищенные монетки, на высоких скулах пылал румянец, дракон слегка подался вперед, будто готовый спрыгнуть с уступа туда, в удивительное и бурлящее, и крылья его плаща едва заметно трепетали, улавливая воздушные потоки.

Конхард с нескрываемым презрением оглядел торговые лавочки гномов-вершинников, но с любопытством изучил запряженную тройкой карету какого-то очень важного эльфа и долго, прищурившись, всматривался в товары людей-мастеров, как будто действительно мог что-то разглядеть на прилавках с такого расстояния.

– Понаехали, – в конце концов изрек он со смесью досады и удовольствия: видеть у ворот Гимбла столько чужаков было неприятно, но их интерес к гномским вещичкам Конхарду льстил. – Хорошо, что я знаю тихие тропы, на обычных дорогах-то, небось, стало не продохнуть от телег. Всё больше и больше их сюда тянется.

Гном скинул с плеча торбу, уселся на ковер мха, скрестив короткие ноги, и принялся выкладывать всякую снедь.

– Давай пожрём, что ли. И побеседуем, да.

При виде еды глаза у дракона стали жадными, а выражение лица – удивленным, и гном решил, что этот балбес в своих странствиях проголодался до полусмерти, но умудрился забыть об этом.

– Так отчего ты попёрся в Гимбл, дракон? – требовательно спросил Конхард, утверждая на мягком мху флягу с водой.

– Подумал, что тут меня точно искать не будут. – Илидор с этой своей эльфийско-кошачьей грацией тоже опустился на мшистый ковер перед разложенной снедью, и крылья плаща легли вокруг него, словно королевская мантия. – Но теперь тут тоже будут, наверное.

Конхард отломал ногу от половины гусяной тушки и назидательно помахал ею перед носом Илидора.

– Вот именно что будут! Ты думаешь, мы захотим проблем с эльфами из-за тебя? Ты думаешь, тебя вообще кто-то ждет в Гимбле? Ты что, больной?

Дракон рассмеялся, отломал от гуся крыло, с интересом оглядел его и, мыча от удовольствия, захрустел, пережевывая мясо вместе с костями.

– Мы выгурили вас из подземья пропасть времени назад, – продолжал гном, – нет вам пути обратно! Нет там ничего для тебя, дракон!

– Есть, – мимолётно блеснул зубами Илидор.

Конхард выплюнул хрящик, проследил, как тот летит вниз с уступа.

– Как ты собираешься пройти в Гимбл? Я тебе не помощник, имей в виду, хоть ты меня и спас и всё такое, но я за тебя не поручусь. На кой ты там нужен? Ты ж дракон, твою мать нелюдскую, я с тобой и говорить-то не должен, вражина змееглазая!

– Нихая я не вважина, – невнятно возмутился Илидор, набивший рот пирогом с печенью. – Это вы нас выжили с наших вековых жилищ в подземьях и в горах Такарона, а не мы вас! Эта ваша магия...

– Ма-шины! – отчеканил Конхард.

– Называй как хочешь, – Илидор отмахнулся от гнома куском гусятины, и на того брызнули хлопья жира, – но ваши машины – это магия подобия и ничто иное! Благодаря ей вы оказались сильнее нас, вы победили – выходит, это вы мне вражины, вы для меня опасны, а не я один, такой весь дракон, угрожаю целому Гимблу!

– Гм, – Конхард потупился, чуть сбитый с толку словами Илидора про магию и такой точкой зрения на героическую историю своего народа. – Допустим, но как ты туда пролезешь? Я говорил тебе: только король может...

– Я дам ему Слово, – Илидор совершенно по-эльфски шевельнул бровями, и вид у него сделался такой благородный и гордый, несмотря на блестящий от жира рот и усыпанную крошками рубашку, что Конхард даже не ухмыльнулся. – Дам ему Слово не причинить вреда намеренно и принести Гимблу ту пользу, которую король сочтет достаточной, чтобы позволить мне пройти через ваше обиталище дальше.

– Еще дальше? – гном медленно отер рукавом враз пересохшие губы. – В глубину подземья? Ты рехнутый, что ли, дракон? Ты от эльфов утёк для того, чтобы сдохнуть? Там, в дальнем подземье, живёт пропасть знает кто, какие-то чудища жуткие, даже не так далеко от Гимбла знаешь сколько пропадает добытчиков, камнеделов, рудокопов, а сколько народу вступает к грядовым воителям, которые лезут там, вдалеке – вот что-то назад потом мало кто возвращается! Там старые города, из которых вы нас выгурили, когда еще жили в подземье, там теперь лава льется, камень пенится, города и выработки полнятся призраками гномов и машин, а еще там живут гигантские черви-хробоиды и...

Конхард умолк, отвел взгляд.

– А-рао, – проговорил Илидор медленно, будто пробуя слова, как гусяное крылышко. Румянец на его щеках разгорелся еще ярче, не то от возбуждения, не то от сытной еды. – Ваш отрезанный ломоть а-рао. Мне не они нужны, Конхард, и ваши старые города мне без надобности, вместе с призраками ваших жителей, вашей магии, ваших тайн!

Дракон вскочил, и гном отъехал на заднице чуть дальше, дернулся было за молотом: на миг показалось, что Илидор хочет его пнуть, а то и скинуть вниз, но тот даже не смотрел

на Конхарда, только расхаживал туда-сюда по уступу, размахивал руками и говорил, говорил, говорил, движения его были порывисты, а голос крепчал и делался глубже, звенел и вился вокруг скал, и казалось, будто скалы на него отзываются.

– Горы Такарона огромны, Конхард! Я могу слышать в них то, чего никогда не уловите вы: голос камней, голос воды, голос костей моих предков – всё это там, внутри, в глубине, и я смогу услышать всё это, если окажусь еще ближе! Но я не могу пройти подземья один, ведь после войны там осталось множество...

Илидор прикусил язык, но гном понял.

– Машин, – бросил он, обгрызая кость. – Ты не пройдешь один там, где есть машины. Только знаешь, дракон, по слухам, это – самая ерундовая ерунда из тех, которые есть в нынешних подземьях...

– Я знаю, – перебил Илидор, – я знаю, что подземье таит опасности, камень и лава извращают многое, несть числа чудовищам, которые народились в толще Такарона, когда её покинули мы! Но в Донкернасе ведь есть драконы, которые помнят времена до исхода из подземья, и говорят, что далеко-далеко в горах, у моря, отделенные хребтами северного Такарона от всех других подземий, раньше жили другие драконы, небольшое племя, отколовшееся от угольных семейств. Ты понимаешь?

– Совсем ку-ку? – гром покрутил у виска гусиной костью. – Это ж байки!

– Быть может, – Илидор прищурил потускневшие золотые глаза, упрямо вздернул подбородок, – а может быть, нет. Наверняка это знали только угольные драконы, и вы их всех перебили.

Еще некоторое время они просидели на уступке, только теперь уже ни один из них не смотрел на торговую площадь и на врата Гимбла – оба глядели в небо. Илидор – с мечтательной улыбкой, точно видел там, среди пушистых облачных обрывков, нечто необыкновенное и очень хорошее. Он снова напевал, как и прежде – без слов, себе под нос и едва слышно, на самом деле, но Конхард чувствовал в этом голосе жуткую скрытую мощь, куда жутче и мощнее собственного боевого вопля, и гном знал: голос дракона только и ждет, когда у него появится причина зазвучать во всю свою силу. И еще Конхард как-то понимал, о чем мурчит себе под нос Илидор: об упоительных странствиях, вековых лесах, подернутых туманной дымкой, о свете солнца, которое рождается из-за горизонта, и о том, что самое лучшее на свете – быть драконом, который летит туда, навстречу огромному лесу, шёпоту тумана в росистой траве и рыжему рассветному солнцу, которое отражается блестками в глазах.

Какой кочерги Илидор претя в подземье, если он так любит всё, что над ним, если он может лететь куда угодно? Почему сразу после Донкернаса ему было не улететь от эльфов за горизонт, за вековые леса, в это бесконечное небо, напоенное ветром, который так жадно ловят крылья драконского плаща?

Конхард перевел взгляд на врата Гимбла, и его лицо расплылось в улыбке. Вот почему Илидор не улетел. За годы, прошедшие с первого выхода наружу Конхард тоже всей душой полюбил надземный мир, особенно солнце и небо, благодаря которым наконец понял, что именно происходит наверху, когда сменяется время дня. Гномы просто чувствуют наступление утра и ночи своим особым врожденным чутьём, а оказывается, в это время наверху происходят настоящие чудеса! Полюбил Конхард города и посёлки верхнего мира, и туманы, и леса, и дороги, и даже, чтоб он рухнул в пропасть, величественный вид Шарумара, вечно тонущего в цветочной воню. Да, за десять лет Конхард полюбил это всё так сильно, что иногда у него даже в груди кололо и перехватывало дыхание, и гному подчас тоже хотелось распахнуть объятия этому надземному миру и упасть в него, до крошки раствориться в его огромности. Но Конхард всегда возвращался в Гимбл, потому как город был ему родным. Потому как не может гном не любить Гимбл больше всего прочего, разве что не гном он вовсе, а вершинник паршивый, так-то.

– А что эти эльфы из Донкернаса могут тебе сделать? – вслух подумал вдруг Конхард. – Ты ж дракон. Ты просто улетишь от них или огнем их спалишь, или...

Гном нахмурился.

– Погоди, как они вообще удерживают твоих родичей в Донкернасе? Замурованными в стены, что ли? Так нет, я видал раза два, как драконы летали, только не тут, на юге... как раз неподалеку от Донкернаса... Это как так? И почему другие драконы не бегут, как ты? Почему ты не помог сбежать остальным, как это так: сам сбежал, а их оставил? У тебя там что, друзей не было?

Дракон энергично помотал головой.

– Пожалуй, единственный, кто мог стать мне другом – это Йеруш Найло, только он эльф и мой враг. Точнее, он стал бы моим врагом, будь мне до него чуть больше дела или, – дракон вдруг расхохотался, – или чуть меньше. Наверняка сейчас он до смерти меня ненавидит, как всегда. Слушай, нет, не в этом дело, просто... – улыбка сбежала с лица Илидора, как и не было, он прищурился на солнце, и глаза его вспыхнули, – другие драконы не могут сбежать из Донкернаса. Их держит Слово.

Конхард принялся заталкивать в котомку остатки еды.

– Слово, – ворчал он, – ну, ясное дело, теперь-то я всё понял. Тьфу на вас, умников, вечно делаете важные лица и говорите какую-то чушь с таким видом, точно...

– Ты должен знать про Слово, – перебил Илидор. – Ты же гном! Ведь не так много времени прошло с тех пор, как мы жили в подземье!

– А, – только что Конхард сердился, а теперь смутился так, что аж щекам погорячело, – ты про то, что вы даете слово что-то сделать или не сделать и...

Он опустил котомку и уставился невидящим взглядом на торговую площадь. Что же там дальше?

– Если дракон дает Слово, то не может его нарушить, не потеряв свой голос. А дракон без голоса лишается магии и, вообще, как бы... – Илидор пощелкал пальцами, – становится не драконом, а чем-то вроде шкурки перед камином – такой же боевитый и живучий.

Он наконец снова уселся, и теперь Конхард смотрел на него сверху вниз.

– Когда ваши магические... машины едва не одолели драконов подземья, тем пришлось, как это сказать, просить пощады. Пришлось дать гномам Слово, чтобы вы позволили им просто выбраться наружу. И старшие драконы дали вам такое Слово за себя и за род каждого из них. Они ушли наружу, но там... вскоре связались с эльфами, и поначалу всё выглядело хорошо, драконы поверили, будто нашли свою новую жизнь в солнечном мире, но эльфы не так просты, и безобидные обещания обернулись для нас... как бы помягче? зависимостью, неволей, эльфы перехитрили их и обманом выманили еще одно Слово, и с тех пор драконы, – Илидор ударил кулаком по уступку, но мох лишь мягко спружинил, и получилось вовсе не грозно, хотя голос Илидора звенел вовсю, и глаза сверкали яростно, – с тех пор драконы служат эльфам. Потомки тех драконов не могут сбежать, их держит Слово старших, данное за весь род.

– Пряма-таки никто не убежал? – не поверил Конхард. – Никто не разменял...

– Вечность? – изогнул бровь Илидор, и гном вдруг с удивлением понял, что брови у него темные.

Конхард даже помотал головой от удивления. До сих пор он видел лицо дракона эдаким равномерно-телесным с яркими-яркими глазами.

– Пряма-таки вечность, – только и ответил он.

– Нет, – согласился Илидор, – мы не бессмертные. Но всё равно у нас очень много, очень-очень много времени в запасе – достаточно, чтобы дожидаться, пока эльфы Донкернаса исчезнут, как исчезают все, живущие кратко. Некоторые драконы все-таки сбежали, но без голоса становились просто людьми, а эльфы очень упорно охотятся за теми, кто их обманул, так что...

– Но ты не стал человеком навсегда, хотя сбежал, – проявил наблюдательность гном.

– Точно, – Илидор улыбнулся солнцу, потом рассмеялся, а потом его смех перешел в неостановимый хохот, и гном расхохотался вместе с ним – невозможно оставаться серьезным, когда дракон вот так заливается, даже если сам ты ничего веселого не видишь.

Они смеялись и смеялись, не в силах уняться, и казалось, будто их голоса докатились уже до самого подножия горы и сорвали торговлю на площади, потому как теперь там тоже все хохочут и не могут остановиться. Уже дышать становилось трудно, и животы сводило, но Илидор и Конхард смеялись и смеялись, запрокидывая головы, утирая слезы, колотя ладонями по ляжкам.

– Ф-фух, – в конце концов всхлипнул в последний раз гном и отер глаза, с трудом переводя дух. – И чего веселого-то?

– Ничего, – согласился Илидор, и они снова расхохотались, но уже потише.

– Словом, ты такой весь из себя особенный, – отдуваясь, заключил Конхард. – Никто тебе не указ, даже старшие драконы.

– Точно, – с удовольствием подтвердил Илидор. – Я особенный.

Конхард смотрел на него, ожидая продолжения, но дракон молчал. Гном почесал подбородок и принялся думать. Можно было, конечно, спросить, но Илидор этого явно ждал, хотя и не смотрел на Конхарда, а смотрел в небо, жмурился и напевал.

Гном принялся ворошить в памяти всё, что знал про изгнание драконов из подземья. Конечно, векописцы про это много говорили, но они всегда что-нибудь говорят, да и кто ж слушает этих запыленных занудников? Никто их не любит, говоря по правде, поскольку каждый праздник, любая добрая всегимблская пьянка, каждый большой поход во глубины подземья начинается с бубнежа векописцев. Кто-нибудь из них, в чистеньких белых одежках, выпирается, значит, на Громкий Камень перед другими гномами и давай бухтеть: откуда пошли истоки этой славной традиции или чего там еще, что происходило в это время пропасть лет назад, кто кого встретил, кто кому чего сказал, как это отразилось в векописях, бу-бу-бу, гу-гу-гу. Конечно же, векописцы очень много занудничали и про изгнание драконов, благодаря которому теперь все мы, могучие гномы, имеем в своем распоряжении весь Гимбл и здоровенный кусок гор Такарона, а если там, в глубине, еще больше осталось потерянных городов и вообще творится не пойми что, так это тут ни при чем.

И, конечно, векописцы частенько вспоминали про данные драконами Слова, это верно, как и то, что славный Югрунн ведет род от короля Ёрта Слышателя, который во время той войны командовал победоносной гномской армией и который *услышал* драконью клятву. Сами-то по себе истории о драконьих войнах, конечно, все гномы знали и любили, но подробности изгнания драконов... да кому может быть интересно, кто там кому чего сказал в покрытые пылью годы?

Вот кто кому снес башку – это да! Все известные Конхарду гномы обожали сказания о битвах гномских армий, усиленных машинами, с драконами. Любой мог пересказать истории про драконьи наступления и потерю городов в далёком подземье, и даже ребенок мог перечислить названия этих городов: Вулбен, Масдулаг, Ардинг и другие. И кто же не знал о сражении отряда Гильдри Восьминогого с ледяной драконицей! И о том, как Тандри Бешеная, единственная выжившая из всего Стального Крыла, прорвалась на своей змее-камнеедке в тыл врага и обрушила своды пещеры, откуда отдавал приказы своей команде ядовитый дракон... как там его звали?

– А! – Конхард хлопнул себя по лбу. – «И тогда за ядовитых драконов дал Слово Вронаан, и за снящих ужас сказал Слово Осснатор, и за ледяных драконов Слово Ёрту дала Хшссторга».

Гному показалось, что сияние золотых глаз Илидора потухло совсем, и всякий след воодушевления исчез с его лица, но уже через миг всё стало как обычно: довольный непонятно чем дракон и ощущение звучащей внутри него песни, от которой он, кажется, всё время при-

танцует и поет, даже когда сидит спокойно и молча. Впрочем, он, кажется, никогда не сидит спокойно и молча – заноза та еще, похлеще Конхарда.

Илидор кивал и улыбался, глядя вдаль, ожидая от гнома еще какого-то продолжения, но тот уже совсем не понимал, какое еще умственное усилие должен совершить, чтобы докопаться до сути.

– И чего? – спросил он, отчаявшись понять.

Дракон откинулся назад, опершись на ладони, подставил лицо солнечному свету, и свет погладил его щеки.

– Ни гномам, ни эльфам никто не давал Слова за золотых драконов, – с удовольствием проговорил Илидор. – Потому что золотых драконов не было в подземье. Их вообще не бывает.

* * *

У Конхарда в груди неприятно царапало, он отчего-то чувствовал себя подлецом, хотя разве он сделал Илидору что-то плохое, разве хоть на миг пожелал ему зла? Но сияющий улыбкой дракон, размашисто и доверчиво шагающий в сопровождении стражников по каменным плитам гимблского привратья, выглядел таким одиноким, несмотря на свой радостный вид. Таким маленьким и наивным, таким доверчивым и беспомощным среди громад гномских построек, в подземье, откуда гномы изгнали его предков – точнее, откуда его предки сбежали, пока гномы и гномские машины не перебили их всех до последнего. Когда особенно ярким становилось желтовато-зеленое сияние воздуха, исходящее от текучей лавы, дракон делался похожим на собственный призрак.

Илидор, окруженный стражниками, не был узником этих величественных каменных сводов, но выглядел он, на взгляд Конхарда, еще хуже, чем узник – энергично шагающий в неведомое, положившийся лишь на удачу и шальную звезду, что должна хранить это чудо, золотого дракона.

Сам Илидор, кажется, ничем таким не забивал себе голову, с превеликим любопытством разглядывая привратье: каменные мосты над горячими камнями, то и дело вырывающиеся снизу гейзеры, от которых исходил серный запах, и воду, которая там-сям стекала со стен, срывалась вниз, к горячим камням, и превращалась там в пар. Вертел головой, пытаясь отыскать воздухопроводные шахты: понимал, что если наверху, на мостах, воздух прохладный, то откуда же он берется! Едва удостоил жгучим не-Илидорским взглядом единственную машину привратья, старую сторожевую змею-сороконогу, которая стояла на хвосте в начале соседнего моста и следила за драконом злыми красными глазами.

Конхард тоже смотрел на дракона, и тяжесть давила ему на грудь.

Разве здесь он должен быть, Илидор? Разве не должен он в этот миг свободно лететь над буйными лесами к бесконечному морю, подальше от всех, кто живет в этих землях и подземьях, в другие места, где никогда не слышали про драконов, навстречу солнцу, лоя распростертыми крыльями мощный ветер и распевая вместе с ним?

– Имей в виду, – бросил Конхард резко, заглушая тягучее чувство тоски в груди, – если король решит сбросить тебя в лаву – он будет в своем праве.

Илидор рассмеялся, но по кислому лицу гнома понял, что тот не шутит.

– Да ты что, Конхард? – дракон отбросил за спину блестящие волосы, и те хлестнули по лицу стражника, шедшего слишком близко. – Ваш король – Югрунн *Сльшатель*! Ты и вправду, что ли, думаешь, будто он не умнее домашней кошки?

Конхард, совсем растерявшись, замотал головой.

– Я пригложусь ему, – медленно проговорил Илидор совсем другим голосом, шипяще-раздумчивым. – Есть многие вещи, нужные и важные для Гимбла, которых не могут сделать

сами гномы, вы ведь не знаете камень так хорошо, как драконы... мы первыми были рождены от камня, Конхард.

Гном лишь рукой махнул. Одна его часть горячо желала утвердиться в мысли, что дракон понимает, о чем говорит, что дракон выживет и принесёт тут какую-то пользу, а почему так сложилась – не его, Конхарда, ума дело. Другая часть гнома возмущалась самим существованием в Гимбле чего-то такого, в чем Илидор мог разбираться лучше него, а потому эта часть Конхарда почти желала, чтобы самоуверенного дракона всё же сбросили в лаву.

– Нет, мой друг, – своим прежним задорно-звучным голосом заявил Илидор и простер ладонь вперед. – Этот прекрасный и величественный мост над гейзерами – начало пути к большим свершениям, к удивительным открытиям, славным деяниям и множеству древних тайн, и ты вспомнишь еще моё слово!

Глава 2

«Как видите, даже старшие драконы, прожившие сотни лет, не всегда способны отличить ситуации, в которых необходимо дать Слово, от ситуаций, в которых стоило бы зашить себе рот».

Осналор, старейший из снящих ужас драконов

Гимбл, девятнадцатый день сезона свистящих гейзеров

– Наша жизнь стала похожей на кисель, который стряпала моя бабуля, – изрёк Кьярум Пеплоед и плохо гнуцимися пальцами отер с усов пивную пену.

Тут же всё уважительное внимание гномов за соседними столами обратилось к Кьяруму – он был весьма известен в Гимбле: как же, один из немногих гномов, бившихся в глубинах подземья вместе с грядовыми воителями и умудрившийся вернуться назад! Пеплоед провел в глубине два года, обзавелся целой коллекцией шрамов, один из которых уродовал его висок и щеку, придавая и без того сварливому лицу совсем уж неприветливый и устрашающий вид. Пыль подземья навсегда въелась в его кожу, сделав её сероватой, глаза глубоко запали и приобрели неистребимый тревожный прищур, на лбу прорезалась вертикальная складка, губы Кьярума были вечно стиснуты, а челюсть – чуть выдвинута вперед, отчего казалось, будто густые усы с проседью пытаются лечь на подбородок. В подземьях Пеплоед добыл множество драгоценных камней, которые все два года после возвращения целеустремленно пропивал в харчевне «Дохлый лучник».

Непонятно, отчего он выбрал именно эту, весьма оживленную харчевню на Перекрестке. Слухами и новостями Кьярум, кажется, совсем не интересовался, общаться с другими гномами обычно не желал, приходил и забивался с кувшином пива в угол потеплее, да так и сидел там, думая о чем-то своём и спокойно наблюдая за течением харчевенной жизни. И хозяин, хромой Тисалги, и посетители привыкли видеть Пеплоеда в одном и том же углу, вечно сидящего перед кувшином пива, вечно погруженного в какие-то свои мысли, в извечном плотном жилете и темной рубахе с широченными рукавами, из-за которых гном, когда ему случалось вставать из-за стола, казался квадратным. Он везде и всюду таскал с собой огромный молот по имени Жало, которым, если верить Кьяруму, его прадед «гнал из подземья сраных драконов». Вид у молота и вправду был довольно истрепанным, хотя одна пропасть знает, как можно истрепать гномский молот. Иногда Кьяруму случалось перебрать пива и пробираться к выходу из «Дохлого лучника», запинаясь о столы и пытаясь небрежно помахивать Жалом, но на самом деле в такие вечера скорее Жало помахивало Кьярумом, и тогда не было в харчевне гнома, у которого не проносилась перед глазами вся его жизнь.

Говорил Пеплоед редко, лишь изредка на него нападала охота пообщаться с другими посетителями харчевни, да и тогда он больше любил слушать, чем «трепаться», а уж чтобы он заговорил сам, ни к кому не обращаясь и о чем-нибудь сложнее пустячных повседневных новостей!

– Да-а, – повторил он медленно и раздумчиво и уставился на свою кружку, и нахмурился, и как-то весь подобрался, распрямылся, резким злым движением отодвинул пиво. – Что случилось с нами, гномы, а?!

Он обвёл взглядом сидящих вокруг, и каждому вдруг стало неловко, точно его застали за мелким и недостойным занятием, хотя выпить крепкого пива в харчевне – самое что ни на есть гномское дело.

– Кем мы стали? – требовательно спросил Кьярум, положил ладони-лопаты по разным сторонам своего кувшина и подался вперед, словно собирался кувыркнуть через стол. Взгляд его, замутненный от пива, с каждым мигом делался яснее.

– Так известно кем, – примиряюще забормотал хромой Тисалги и стал нервно протирать стойку краем замызганной тряпки, которую носил на поясе вместо передника. – Гномами мы стали, как и раньше были. Гномами, Кьярум, кем же еще, пивоварами, рудокопами, камнеделами, а еще оружейными мастерами и плавильщиками, механистами и торговцами, и...

– Говно всё это, – Кьярум отмахнулся, сшибив свою кружку, и по столу потекла лужица пива, но никто не обратил на нее внимания, – мы не торговцы и не пивовары, Тисалги, мы воины! Воины, пропасть раздери!

Он вскочил, схватил Жало двумя руками и с рыком воздел его над головой, словно призывая удары молота и потоки лавы на голову любого, кто осмелится ему возразить. Загрохотали стулья: гномы отодвигались подальше от стола Кьярума, хотя едва ли было в харчевне место, куда тот не мог бы добросить свой молот, если бы пожелал.

– Мы, гномы, сражались с самыми страшными тварями, которых видел Такарон и мир вокруг него! – провозгласил Кьярум. – Гномы сражались и победили, потому что оказались умнее, сильнее, храбрее этих сраных драконов! Мы – плоть от плоти камней Такарона и Гимбла, наши предки появились на свет здесь и вытурили отсюда монстров, которых боялись все прочие! Наши машины оказались крепче их магии, наша отвага – сильнее их ярости, а боевое безумие – мощнее их изворотливости! Верно я говорю?

– Верно, верно! – закричали гномы и застучали кружками – каждый ощутил настоящую потребность выпить во славу собственной могучести.

– Сотни сотен наших предков навеки остались в глубинах подземья, чтобы дать нам новую жизнь! – надрывался Кьярум. – И род каждого нынешнего гнома Гимбла восходит к роду героя, который дрался с драконами сам или помогал другим их сразить! В каждом из нас должна бурлить их кровь! Бурлить, вашу кочергу! Но что я вижу перед собой?

Стук кружек и одобрительные возгласы обескураженно затихли. Кьярум с устрашающим «бум-м!» опустил Жало на пол и покрепче перехватил его рукоять.

– Я вижу перед собой стайку канареек! – рявкнул гном и потряс кулаком. – Мышиное гнездо! Кучу хлама! Разве вы, ленивые жирные черви, достойны своих предков? Для этого они сразили драконов? Чтобы вы целыми днями только жрали и пили, забыв, что кости ваших прадедов глодают прыгуны в дальних подземьях? Что потерянные города наших предков засыпает пепел? Что где-то в глубине копят силы а-рао и что когда-нибудь они придут сюда, чтобы изгнать нас, как мы изгнали драконов?

– Ну а сам-то ты что делаешь, хотел бы я знать? – Тисалги в сердцах сорвал с себя передник-тряпку и швырнул его на стойку. Другие гномы одобрительно загомонили. – В твоём прошлом – славные деяния, Кьярум – мы так думаем, хотя наверняка ничего не знаем про твою жизнь с грядовыми воителями. Но там ты провел всего два года из своих... сколько тебе лет, друг мой? Сорок? Пятьдесят? И ты тоже целыми днями просиживаешь штаны в моей харчевне, где я тебя, конечно же, уважительно рад видеть, но... имеешь ли ты право судить других, если сам делаешь то же самое?

Кьярум отвёл взгляд, плечи его поникли, а пересекающий щеку шрам в этот миг стал выглядеть особенно глубоким и страшным, будто всё лицо гнома затерялось, поблекло на фоне этого шрама.

– Ты прав, Тисалги, – глухо произнёс Кьярум, медленно поднял руку и плохо гнуцимися пальцами вытер с усов несуществующую пивную пену. – Я так же, как все прочие... канарейки, просто сидел тут на жопе последние два года. Я всё ждал, ждал, пропасть... Чтобы случилось что-нибудь. Я всё думал, кто-нибудь придет, как прежде приходили вербовщики грядовых воителей. Я ожидал! Я ожидал, что... кто-то позовёт меня на новые подвиги, всех нас позовёт к

великим свершениям, но никто не приходит, наши дни всё полней заливаются пивом и наполняются мышинным пометом, и этого больше терпеть нельзя! Нельзя, вашу кочергу! Мы сами знаем дорогу в глубинное подземье! Мы сами пойдём туда на поиски славы и достойных деяний!

Кьярум стукнул кулаком о ладонь, теперь его взгляд горел ярким голубым пламенем, но другие гномы всё отводили глаза и не смотрели на него, только друг на друга поглядывали искоса, а некоторые зыркали с надеждой на Тисалги: дескать, подсунь ты этому буяну новый кувшин пива, авось уймется!

– Кто пойдёт со мной в неизвестность ради новых побед? – орал Кьярум, словно не замечая кислых лиц прочих гномов.

Дверь в харчевню открылась, с Перекрестка ворвался уличный гам, крики торгашей и пахнувший серой воздух, просунулась было чья-то голова, но тут же исчезла, и дверь закрылась.

– Кто готов променять сытое пузо и тёплый камин на буйство лавы в глубоком подземье, на битву с невиданными в Гимбле тварями, на сражения с вероломными а-рао? На возможность найти самые красивые драгоценные камни и когда-нибудь добраться до наших утерянных городов? И пусть взамен вам никогда больше не придется набить пузо вкусной жратвой и залить зенки ледяным пивом? Кто готов? Ну? Кто со мной? Кто из вас?

– Я! – в наступившей оглушительной тишине поднялся на ноги Гилли Обжора, едва не свалив стол объемным брюхом, которое нависало над веревкой, подпоясывающей вишнёвую мантию. – Я пойду с тобой! Уж сколько лет я жажду знатных дел и добрых свершений!

Вмиг развеялось звеневшее в воздухе величие, пропало в груди гномов ощущение своей ничтожности перед этим величием. Харчевня содрогнулась от хохота, аж камень загудел, и огонь в камине испуганно присел, звонко отдалось эхо от тонкостенных эльфских кувшинов, там и сям расставленных на полках для красоты.

Сильно пошатнувшись, Гилли нетрезво икнул и вдруг выхватил из ножен за спиной длинный изогнутый клинок. Сидящие поблизости шарахнулись с негодующими возгласами, но Обжора, не обратив на них никакого внимания, вскочил на стол с неожиданной ловкостью, даже не запутавшись в полах своей дурацкой мантии, и мощно пнул кружку. Та ударилась в стену и разлетелась на обломки, жалобно хрупнув.

– Думаете, я ничего не стою, да? – взвизгнул Гилли, взмахнул мечом, и ближние к нему гномы вскочили, уронив табуреты, отбежали подальше.

Что за день буянов сегодня? Может, Тисалги подливает в пиво мочу бешеных крыс?

А Обжора принялся вертеть в руках клинок, выкрикивая что-то пыльное и неразборчивое – гномы так и ахнули в один голос, и Тисалги аж рот открыл, и Кьярум так высоко вскинул брови, что глубокая складка на его лбу стала почти незаметной.

Клинок в руках Гилли танцевал и, казалось, извивался, как извиваются глубинные черви хробоиды, случись им упасть на горячие от лавы камни. Обжора легко и ловко перехватывал меч – одной рукой, другой, и всё его грузное тело стало продолжением этого клинка, оно танцевало вместе с оружием, вместе со струистыми складками вишнёвой мантии, вместе с отблесками огня из камина на клинке.

– Я – Гилли! – кричал Обжора. – Я Гилли из рода воинов!

Клинок сверкал и мелькал в его руках, выписывал восьмерки и немыслимые загогулины, рукава мантии хлопали, как крылья птиц, которые водятся наверху, за пределами Гимбла, как крылья драконов, которых воины из рода Гилли выгнали когда-то из глубин подземья.

– Я – не канарейка! – орал он. – Я не мышинный помёт! Я пойду в подземье! Пойду!

Никто потом не мог сказать, сколько длилась эта пляска стали – вечность или миг, но, когда Обжора наконец остановился, его квадратное пухлое лицо покрывал пот, капли стекали по вискам с вытатуированными на них наковальнями, и даже стянутые в хвост пегие волосы потемнели от влаги у корней.

– Ну что? – с вызовом спросил он Пеплоеда, с трудом переводя дыхание и глядя на него сверху вниз. – Возьмешь меня с собой? Туда! – он махнул рукой с зажатым в ней клинком, и Тисалги нырнул под стойку. – К бурлящим пропастям и стынущим в недрах костям предков! А? К городам в руинах, к а-рао во мраке!

– Лучше ворона в руках, чем дракон в жопе, – решил Кьярум после короткой запинки и вытер лоб рукавом. – Я буду биться в подземье рядом с тобой, Гилли Обжора из рода воинов.

Они вышли из харчевни вместе – ловкий толстяк в дурацкой вишнёвой мантии, поправляющий перевязь с мечом, и посеченный шрамами воин, который не дождался клича, зовущего в новый поход, и бросил клич сам.

В «Дохломе лучнике» еще какое-то время было тихо, и гномы не желали поднимать взглядов друг на друга, а потом открылась дверь, впустила с Перекрестка запах серы, крики торговцев и нового посетителя – молодого и вечно лохматого Дарея Липучку. Он с недоумением оглядел насупленных гномов, громко затребовал кувшин самого холодного пива, а Тисалги залихватски грохнул на стойку кувшин и заявил, что пиво без копчёного эльфского сыра – деньги на ветер. Другие гномы поддержали Тисалги одобрительными выкриками, все вокруг заулыбались, и сразу всё в «Дохломе лучнике» снова сделалось как прежде.

* * *

Одна створка окна была открыта в ослепительный день, и белый свет падал на фигурную нижнюю часть рамы: десятки маленьких балясин. Илитор видел такие на лестницах в Шарумаре. Но кому потребовалось вырезать балясины на оконной раме? Аккуратные, круглые и крошечные, с палец размером. Вторая створка оставалась прикрытой, безжалостный дневной свет заливал растрескавшуюся древесину со следами меловой краски. Вверху шевелилась от воздуха занавеска.

Чем-то Илidorу не нравилось это окно, он хотел шагнуть вперед и закрыть его, но почему-то не мог двинуться с места, никак не мог двинуться, а потом вдруг понял, что уже поздно, и в тот же миг пробежала по балясинам изломанная тень. А потом в оконном проёме возник Йеруш Найло – возник весь и вдруг, как неизбежность: длинные худые руки крепко держатся за створки, будто сейчас рванут их на себя и отломают, огромные сине-зеленые глаза на бледном лице с мелкими чертами – две пылающие бездны, тонкие губы улыбаются, вид у эльфа по обыкновению безумный, и улыбка выглядит плотоядной из-за острых мелких зубов. Йеруш Найло настолько тощий, что кажется, будто под темной мантией с откиннутым капюшоном нет тела.

– Знаешь, почему рыба уплывает, когда рыбак только подходит к воде? – чуть сдавленным голосом спрашивает он.

Мягчайшие пряди неровно остриженных русых волос, разделенных на косой пробор, качаются у левого глаза и у правой щеки от едва заметного движения эльфа. Пальцы еще крепче сжимаются на створках окна – не то сейчас раскрошат их, не то Найло, взяв створки за точку опоры, прыгнет прямо на Илidora.

Дракон не двинулся с места. Как всегда, когда Йеруш Найло говорил с ним, хотя всякий раз ему хотелось отшатнуться, казалось: еще мгновение – и эльф сиганет к нему безумным неэльфским прыжком, ударит ногами в грудь, повалит наземь, вопьется в горло острыми мелкими зубами, а потом продолжит взахлеб делиться своими соображениями, нервически улыбаясь окровавленным ртом. Взгляд Найло всегда был жадным, не то голодным, не то сумасшедшим – глядя на него, тонкокостного, с дергаными движениями, легко меняющего настроение, можно было поверить и в то, и в другое. Когда он слишком засиживался в библиотеке или в лаборатории, где изучал поведение разных существ и веществ в воде, то под глазами эльфа залегали синие тени, придававшие ему бесповоротно помешанный вид.

Илидор опасался Йеруша Найло, потому что считал его способным на любую авантюру, на поступки любой степени неприглядности и на самые идиотски нелогичные спонтанные решения. Но в то же время Найло притягивал Илидора тем неизбежным притяжением, которое ощущают любые противоположности, находя друг в друге и собственное отрицание, и собственное же повторение. Эльф и золотой дракон походили друг на друга больше, чем Йеруш Найло походил на других эльфов, а Илидор – на других драконов. Он не кривил душой, когда говорил Конхарду, что Найло, его враг, больше кого бы то ни было в Донкернасе походил на его друга.

Как любой пленник, Илидор с опаской относился ко всем своим тюремщикам, включая Найло, а Найло совершенно не опасался Илидора, считая, будто его, как и других драконов, связывает Слово, и он не сможет навредить, даже если захочет. Но Илидор мог – к примеру, заморочить Йерушу голову. Именно так он и сделал в тот самый день, когда сбежал из Донкернаса. Такова уж магия золота и такова вторая магическая способность золотого дракона – вдохновлять других на поступки, которые прежде казались невозможными. Быть может – заставляя переоценивать собственные силы, утрачивать способность к взвешенному рассуждению. И пусть наваждение быстро проходит, но... иногда всё решают мгновения. Например, когда ты – рыба, услышавшая рыбака, или дракон, бегущий из Донкернаса.

Камень, который едва не сломал Илидору крыло и едва не сорвал его побег, запустил из камнемета Найло, если Илидор хоть что-нибудь в этой жизни понимал.

– Рыба уплывает, – понизил голос Йеруш.

Он наклонился к дракону, просто вгрызся в его лицо своими огромными сине-зелеными глазами, лихорадочно горящими на скуластом лице, и Илидору снова стоило большого труда не сделать шаг назад.

– Рыба уплывает, потому что очень хорошо слышит рыбака. Звук в воде разносится быстрее, чем в воздухе.

За окном громынуло, белое пятно света потухло, тень протянулась за спиной Найло, погладила косой пробор в волосах, и эльф словно почувствовал это, голова его дернулась, пальцы впились в оконные рамы, сжали их, погрузились в них и стали таять клоками серой мглы – не то пепла, не то тучи, не то льда. Потом всё пропало: Йеруш, окно и день, а вокруг Илидора образовалась сплошная серая муть с редкими языками дыма, дракон попытался обернуться и проснулся.

* * *

– Значит, он проявил себя очень хорошо, – медленно повторил Югрунн Слышатель.

Он стоял у оконного проема в своем прекрасном саду, где зеленели, цвели и упоительно пахли всячески лелеемые растения с поверхности. Цветы: пушистые желтые пилании, белые в синюю крапушку радоны, а еще безымянный травяной ковер, в котором временами проклевывался одинокий клевер. И несколько пахучих кустарников: жасмин, тимикой, алидон. Король любил приходить в свой сад, чтобы навести порядок в мыслях или покой в чувствах, и этому удивительным образом помогал один лишь вид растений. Поистине, сад был лучшей задумкой нового архитектора, даже если поначалу и возникало столько сложностей с доставкой земли и саженцев. Зато теперь эльфские и человеческие послы точно знают, чем можно порадовать Югрунна Слышателя: саженцами редких, красивых и, что важно, живучих цветов, а также парой мешков жирной черной земли для их высадки.

Однако сейчас король не любовался своими драгоценными растениями, он смотрел в окно. Уже довольно долго стоял и смотрел в окно очень внимательным, живым и пытливым взглядом, который не вязался с его расслабленной позой: сложенные на животе короткие руки, чуть отставленная нога – опять к утру разболелось колено. Ногтями он в задумчивости бара-

банил по железной пряжке пояса в форме трона. Над отложным воротом шелковой рубахи ритмично покачивались стянутые в хвост седые волосы – король едва заметно двигал головой в такт какой-то мелодии.

– Он проявил себя великолепно, – подтвердил Ндар Голосистый.

Советник знал, что не сумел произнести эти слова сдержанным тоном, как велит этикет, но какой, в кочергу, этикет, когда посреди Гимбла, прямо в придворцовом саду камней, сидит дракон!

– Вывел группу на давно заваленный отвилок, разобрать оказалось нетрудно, а за ним – разлом с залежами олова. Сами бы мы никогда его не нашли, а дракону всего два дня потребовалось, да и то, как в отчетах пишут, большую часть времени он словно... просто гулял по подземью, изучал то, что видел, и как будто вовсе не помнил про свою задачу.

Король стучал ногтями по пряжке и смотрел вниз, в этот самый сад камней. Смотрел на дракона, сидящего на яшмовом валуне, любимейшем камне самого Югрунна – одна нога свешена с валуна и покачивается в такт неслышному здесь пению, вторая согнута в колене, лицо запрокинуто к бесконечно высокому каменному своду, глаза закрыты, золотые волосы плещутся за спиной, полуулыбка трогает губы. Умиротворение и самодостаточность. Как раз то, чего Югрунн не чувствовал уже, кажется, десятки лет.

Он почему-то думал, что дракон это знает. И знает, что король смотрит на него, хотя, даже если бы Илидор открыл глаза, то едва ли смог различить лицо Югрунна за зеленым стеклом.

Умиротворение и самодостаточность. Не потому ли, что дракон здесь куда больше на своём месте, чем он, Югрунн Слышатель, потомок короля Ёрта – хотя Илидор был рожден вдалеке от этих мест и никогда прежде не бывал в горах Такарона, а предки Югрунна никогда не покидали подземий?

Король поморщился, расцепил ладони, расправил плечи, хрустнул шеей.

– Значит, он, быть может, сумеет отыскать то, что утеряно. Во всяком случае, теперь на это есть какая-то надежда.

Югрунн отступил от окна и принялся вышагивать по вымощенной булыжниками тропе между клумб.

– И, значит, у меня есть причина встретиться с драконом и взять его Слово. Очень хорошо. Дракон поможет нам, мы поможем дракону, ведь ему требуется изучить подземья, это верно? Он не знает, куда должен двигаться дальше, и что ему встретится там, он не сможет долго исследовать глубины в одиночку и долго выживать там один. Нам требуется его умение слышать горы, а ему требуются наши карты, наши знания, наша поддержка, потому что без всего этого дракон не выживет в нынешних подземьях, как бы хорошо он ни понимал Такарон.

Ндар наклонил голову, приложив сжатый кулак к плечу.

– И до тех пор, – добавил Югрунн, – пока мы не объявим, что дракон дал Слово, будет хорошо, если новость о нём не распространится по Гимблу быстро.

– Мой король, все, кто знает о его сущности, предупреждены о необходимости хранить тайну под страхом изгнания в глубинные подземья вместе с семьями, – в который раз за эти дни проговорил Ндар.

– Да. Да.

Югрунн остановился у другого окна и снова стал смотреть на дракона. Дракон полулежал на валуне, опершись на локоть, улыбался каменному своду и пел. Король не мог слышать ни звука, по губам читать он тоже был не мастак, да и не пытался – и так знал, что Илидор поёт о предназначении, которого нет, и выборе, который волен делать каждый смертный, а ведь драконы тоже смертны.

Югрунн перевел взгляд на колонны. Оттуда за драконом наблюдали, пригнув головы, машины-стрелуны, они шурили красные глаза и скалили железные зубы, и из их пастей вырывался пар. Мастера-механисты держали стрелунов за поводки крепко-накрепко, наверняка аж

перчатки хрустели от напряжения. Наклонившись к машинам, они что-то успокаивающе говорили в прижатые к головам уши, один механист даже поднял на лоб очки и расстегнул шлем. С того места, где он сидел, дракон не мог видеть машин, а чувствовал ли их, ощущал ли на своей коже их полные ненависти взгляды и каким чувством эти взгляды его наполняли – знал только сам Илидор.

– Но после того, как о нем станет известно, у нас появятся новые трудности, – опять же не в первый раз заметил Ндар. – Конечно, гномы любят тебя, мой король, и многие уже так или иначе знают о пользе, которую успел принести дракон. Они примут его и поверят ему, если ты ему веришь. Но посольства? Но Храм солнца? Как воспримут это люди и, что важнее, как поступят эльфы?

– Он не принадлежит ни людям, ни эльфам, – отрезал Югрунн. – Они знают это. Он ничей.

– Но дракон сбежал из Донкернаса и появился в Гимбле – эльфы не проглотят это молча, мой король.

– Я знаю, – Югрунн махнул рукой, словно отгоняя навозную муху, и тут же его ладонь сжалась в кулак. – А ты знаешь, что для нас это вопрос чести: не дать дракону погибнуть! Не дать погибнуть самому достойному из наших врагов!

2.2

Гномы обычно не обращали особого внимания на Илидора: не так уж мало людей и эльфов ходит по Гимбле, пусть обычно у них и не бывает таких одухотворенных лиц – а он выглядел как человек, вернувшийся домой после долгих странствий или как деревенский ребенок, впервые попавший на городскую ярмарку. И за дни, проведенные в Гимбле, город ничуть не приелся дракону.

Однако сегодня шел по улицам без улыбки, без обычной своей песни, не приветствуя знакомых, которыми успел обзавестись. В Дворцовом квартале он не смотрел на выбитые в стенах статуи гномов-родоначальников, которые обыкновенно любил разглядывать, всякий раз отмечая всё новые детали резнического искусства и удивляясь, какими живыми выглядят каменные лица – словно продолжают безмолвно бдить за потомками и следить, чтобы те не посрамили славных имен своих предков.

Против обыкновения, Илидор не замедлил шаг и на широком Треглавом мосту, чтобы послушать, как отдаётся эхо шагов в пустотелых камнях, не остановился у перил, чтобы посмотреть на тревожный поток тёплой реки Галан и помахать гномам, которые пришли к ее берегам со стиркой или за пресной водой.

Дракон даже не постоял в Храмовом квартале, чтобы послушать пение жрицы, только кивнул ей с натянутой улыбкой – а ведь сегодня пела прекрасная Фодель, и всего несколько дней назад они с Илидором, стоя в этом самом месте, беседовали долго, с огромным обоюдным удовольствием и отнюдь не о вере в отца-солнце.

Размашисто прошагал через Перекресток, не улыбнувшись крикам и пению из харчевен, не перекинувшись словечком с торговцами, не проведя пальцами по завитушкам «счастливого» кованого указателя «Бегуны на север». Бегунная дорога, которую начали строить до войны, так и не была закончена, успели построить только часть тоннелей со стороны Масдулага и часть – со стороны Гимбла. Разработки самих машин-бегунов вели в Масдулаге, но наладить их создание не успели – даже одного работающего бегуна масдулагские мастера не успели собрать до войны. А механисты Гимбла никогда не делали ничего подобного, да и не пытались: транспорт был совсем не по их части, хотя некоторые их боевые машины могли подвезти или поднести хозяина, но скорость у них была не та и назначение – не то, просто кататься на себе они бы никогда не позволили.

Единственная удачная транспортная машина, созданная гимблским мастером, была собрана где-то в глубине подземий неизвестно из чего и сгинула вместе со своим создателем-механистом в последние годы войны. Никто даже не знал точно, где именно это произошло.

«Никто не знает точно», – одними губами повторил Илидор, остановился, тяжело дыша, посмотрел вверх, где терялся в дымке каменный свод. Сжал кулаки. Длинно, затейливо, тоскливо выругался и пошел дальше, глядя себе под ноги. Губы дракона были крепко сжаты, кулаки стиснуты, золотые глаза горели так яростно, что их отсвет падал бликами на ресницы. То и дело он издавал тихий, очень низкий горловой рык, и слышавшие его гномы провожали Илидора недоуменными взглядами: трудно было поверить, что человеческое горло может произвести такой звук. И человеческое действительно не могло.

Он ни разу не поднял взгляд на машины-стрелуны – морды-обрубки, сутулый медвежий силуэт, короткие ноги, укрытые стальными пластинами, три толстых копыа лежат в ряд между лопаток, и из-за пригнутых голов кажется, будто через миг копыа сорвутся и полетят в цель. Не посмотрел дракон и на стражих змей – плетения из шарниров, шестерней, подвижно соединенных пластин, вечно звякающих, вечно лязгающих, вечно сверкающих злыми красными глазами. Стелуны стояли на сторожевых башенках вместе со своими механистами, змеи патрулировали улицы, ползая по уступам, нарочно устроенным в скалах за домами. Обычно Илидор не упускал возможности посмотреть на патрульные машины с ехидным прищуром и широченной улыбкой, как бы говоря: я тут, я дракон, и вы мне ничего не сделаете, а если я ничего не показываю вам на пальцах, то лишь из опасения, как бы пар негодования не разорвал вас на маленькие деталюшки – ведь летающие деталюшки могут кого-нибудь поранить. Но сегодня, заслышав звук машины на стене или проходя мимо патрульных башен, Илидор только ускорял шаг и крепче стискивал зубы, так что они начинали хрустеть.

В квартале Мастеров он чуть не наступил на нищего, сидящего на обычном своём месте, под указателем, и едва ли это заметил, зато нищий проводил дракона внимательным взглядом разноцветных глаз: левый был карий, а правый – зеленый. Илидор прошел по кварталу бледной тенью самого себя, глядя под ноги и едва ли замечая дорогу, не полюбовавшись по обыкновению на гигантскую памятную плавильню, вделанную в ограждающую стену, не вдохнув полной грудью запах горячей лавы, стекавшей с другой, дальней стены, не подставив лицо ветру, который гнали воздухопроводные шахты.

В дом Конхарда он ввалился с грохотом, запнувшись о стоящие у порога сапоги. На шум выбежала Нелла, жена Конхарда – такая же немолодая, как он, уютная, круглолицая, в одном из своих всегдашних платьев с оборками и широким поясом, отделанным коваными завитушками. Увидев перевернутое лицо Илидора, Нелла всплеснула руками и тут же прижала ладони к щекам.

– Неужто король отказал? – схватила за грудь. Потом за голову. – Как же так, Илидор, дорогой! Ведь ты прекрасно провел разведывательный отряд! Конхард уверял: в харчевнях Перекрестка только и разговоров о том олове! Да я сама слыхала вот только что, вот же только утром! Мы с Гэльей пили пиво в «Дохлам лучнике», так Тисалги...

Илидор скинул башмаки, прошел в свою любимую комнату с очагом. Он бы тут жил, если бы Нелла согласилась поставить здесь кровать, но гномка сочла, что держать гостя в очажной – возмутительно негостеприимно, вопреки горячим уверениям дракона, что ему тут очень нравится и несколько не помешают раннеутренний грохот посуды и хлопанье входной двери. В отличие от двух других, это была большая комната, но очень плотно заставленная: сам очаг, столики, шкафы с посудой и снедью, люк в подпол, стол и лавки вокруг него, корзины и ящики с запасами, а еще небольшая тахта у одного из окон, табуретик перед ней и корзина с нитками на табуретике – Нелла любила рукодельничать тут по вечерам.

Дракон подошел ко второму окну и пустым взглядом уставился в зеленоватое стекло.

– Илидор, дорогой, – гномка снова всплеснула руками, – не молчи на меня!

– Извини, – тихо сказал он, словно через силу, будто его горло не хотело исторгать из себя ни звука. – Ты тут не при чем, никто не... А Конхард где?

– Спит, – отмахнулась Нелла. – Натаскал кадушку воды и ушел отдыхать. Ты скажи мне толком, что случилось. Король отказался встретиться с тобой?

– Нет, – голос Илидора был бесцветным, как очажный пепел. Дракон на миг зажмурился и снова распахнул потускневшие глаза, повторил слова Ндара: – Югрунн Слышатель и его советники назначили мне встречу завтра, после второго колокола, в Топазном зале, и король готов будет с уважением принять моё Слово.

– Он встретится с тобой! Он оценил тебя! – когда лицо Неллы озаряла такая чистая радость, гномка выглядела едва ли старше собственной младшей дочери, полгода назад ушедшей в мужний дом. – В Топазном зале! Дорогой, это так замечательно! Быть может, он не такой величественный, как Серебряный... но ведь и гномов будет меньше десятка. О, дорогой, сколько важных и судьбоносных слов произносилось в Топазном зале! Как бесподобно ты будешь выглядеть в нем, с твоими-то дивными глазами!

Илидор застонал и уткнулся лбом в стекло.

– Ну что такое, что? – засуетилась Нелла. – Хочешь воды? Почему ты такой печальный, дорогой мой?

Дракон молчал, тяжело дыша. Гномка, не сводя с него взгляда, опустилась на лавку, радость на её лице сменилась тревогой.

– Я чего-то не поняла, да? Король хочет услышать Слово, которое...

Илидор стукнулся лбом в стекло. Крылья плаща плотно прижались к его телу, повторяя каждый до предела напряженный изгиб.

– Какого Слова ждет от тебя наш король? – Нелла подалась вперед, вбуривав требовательный взгляд напряженную спину дракона. – Илидор, дорогой, ответь мне! Ответь мне немедленно, не то я отшлепаю тебя полотенцем!

Дракон попытался заговорить, но горло окончательно свело, и пришлось несколько раз сглотнуть, чтобы едва слышно произнести:

– Он хочет, чтобы я нашел бегуна.

Несколько мгновений Нелла морщила лоб, потом лицо ее снова вспыхнуло радостью.

– Но ведь это прекрасно, дорогой! Король замечательно придумал: бегун был бы так полезен всем нам, но едва ли мы в силах найти его без...

Илидор сжал кулаки так, что хрустнули пальцы, оттолкнулся от окна и принялся носиться туда-сюда.

– Я понимаю, ты ненавидишь машины, – быстро сказала гномка и тут же быстро добавила: – хорошо, что их, а не нас, ведь это мы их сделали!

– Тех, кто их сделал, мы тоже ненавидим, – скупно огрызнулся Илидор, наматывая круги по дому, – ваших магов, которых вы называете механистами. Да не делайте вид, будто они такие же, как вы, они живут иначе, общаются только между собой, даже одеваются иначе: все эти очки, кожаные шлемы, перевязи в железках, шестерни на поясах! Вы сами-то их сторонитесь! А с вами мы по-честному сражались и по-честному сминали вас, как подземных прыгунов!

Нелла негодуя засопела, но не дала сбить себя с толку.

– Илидор, дорогой, я всё понимаю, но машина, которую тебе нужно найти, бегун – он безвредный! Он лишь даст нам возможность преодолевать большие расстояния быстрее! Если мы сможем делать бегунов, это очень поможет торговцам, которые ходят наверх, как Конхард. О, тогда мой Конхард сможет проводить дома куда больше времени! А мои друзья из Сытного квартала смогут высадить кусты-ползуны на дальних плантациях и ухаживать за ними. Ты знаешь, Илидор, дорогой, мука дикорастущих кустов-ползунов не очень вкусная и её совсем мало. И еще можно будет выпасать больше горбачей-шестиногов, ведь сейчас мы так редко видим

мясо! Благодаря транспорту у нас станет больше еды! Не нужно будет так много покупать ее у эльфов и людей наверху. И, может, когда-нибудь наш добрый король откроет для новых машин старый Беговой тоннель? Тогда мы сможем добраться до наших потерянных городов... Ты понимаешь, Илидор, дорогой, мы ведь хотим иметь возможность почтить память павших! Мой прадед сгинул в боях за А-Рао, и я... если бы я могла хотя бы дотронуться до камней, которые помнят его последние вздохи!

Илидор снова резко отвернулся к окну, оперся ладонями на прохладные стены вокруг зеленоватого стекла. Крылья драконьего плаща теперь не прилегали к его телу, а, напротив, чуть оттопыривались и слегка подрагивали. Казалось, будто под ними сгущается темнота.

– Я знаю, ты ненавидишь машины, – повторила Нелла извиняющимся тоном. Глаза ее блестели. – Наверное, все драконы ненавидят их. Это полностью понятно, правда, но ведь *эта машина* – просто транспорт!

– Да, просто транспорт. Скорее всего, это означает, что я не смогу летать, если она будет рядом.

– О, дорогой!

Илидор молчал. Нелла хотела подойти и погладить его по плечу, но не осмелилась: тронь его сейчас – и он взорвётся, как паровой котел от слишком сильного давления.

– Да, наверное, для дракона подобное невысказано, – смущенно пробормотала гномка и опустила взгляд. – Наверное, ни один дракон не пошел бы на такую сделку.

– Драконы разные, Нелла, – неожиданно, непривычно острым голосом возразил Илидор. Снова отошел от окна, на сей раз подальше, уселся за стол – или, скорее, дошел до стола и рухнул на лавку так, словно из ног выдернули кости. – И на какие только сделки они не идут. Отсюда легко думать, будто в Донкернасе живёт эдакое многоглавое существо и называется драконом, да? Будто у него один взгляд на мир, одно желание, одна судьба! Так же легко, находясь в Донкернасе, думать, будто Гимбл – это муравейник с единым разумом на всех гномов. Разумеется, это не так!

Нелла съезжилась. Она впервые слышала, чтобы Илидор говорил таким тоном, она впервые видела Илидора, который не улыбается, не напевает, не сияет глазами, не предлагает помощи во всяких повседневных делах. Всё, за что он брался, было ему непривычно, и поначалу он смешил и умилял своей неловкостью, но очень быстро учился всему, до чего только мог дотянуться. С ним было так легко и весело, и всё время хотелось что-нибудь делать, он наполнял сам воздух кипучей звонкой энергией, и все вокруг рядом с ним тоже неудержимо желали улыбаться, напевать и радостно впитывать в себя окружающий мир.

Но Нелла не знала, как вести себя с сегодняшним Илидором, взъерошенным и нервным. Гномка даже боялась, пожалуй – нет, не того, что он может ей навредить, хотя теперь она видела, что тьма действительно клубится между его крыльями и спиной. Нелла боялась собственного неловкого слова, которое заденет дракона еще сильнее, обидит его, еще дальше качнет его в ту сторону, к мраку под крыльями, и еще она очень-очень, до дрожи в пальцах боялась, что Илидор, рассердившись, сейчас вскочит и уйдет из этого дома, шарахнув дверь – она почти видела, как он вскакивает и убегает.

Кто бы двадцать дней назад сказал Нелле, что ей трудно будет представить свой дом без золотоглазого дракона! Она бы такого шутника огрела коромыслом!

– Значит, драконы разные, – повторила она осторожно. – Мы знаем, конечно, что они отличаются сущностями. Магией.

– Не только, – Илидор нервно махнул рукой, – еще взглядом на мир и способом действий, и отношением ко всему вокруг. Некоторые даже не очень ненавидят Донкернас, представляешь? И не очень мечтают вырваться на волю. – Дракон стиснул кулаки, с силой вдавливая их в столешницу, сопротивляясь желанию вскочить. – Многие не знали другой жизни, и не всем даже хочется её узнавать, а некоторые решили просто ждать, и терпение их безгранично, есть

и такие, что смирились, привыкли. Донкернас – не для всех тюрьма или же не такая тюрьма, какую ты представляешь. У многих драконов достаточно пространства в холмах Айялы, некоторые живут там почти свободно, лишь иногда выполняя всякие поручения для эльфов. Конхард говорил, ему доводилось видеть свободно летающих драконов – наверняка это был кто-нибудь из слышащих воду или эфирных...

Илидор говорил всё быстрее, его слова выскакивали, как зернышки из перевернутого мешка – нельзя уследить за каждым, но больше не горбился, и глаза его стали яснее.

– Нет, другие драконы причиняют эльфам всякие хлопоты, ведь есть разные способы навредить тюремщику, не нарушая Слова, пусть эльфы и делают всё, чтобы не дать нам такой возможности, многих драконов они держат в цепях или в чуждых стихиях, чтобы гасить их магию. И еще, да, ты понимаешь, эльфы используют много машин, чтобы удерживать драконов – это не такие машины, как ваши, они не напитаны магией и не имеют разума, но эльфы делают всё, чтобы мы ненавидели любые машины. Многие драконов освобождают от пут лишь на то время, что требуется для выполнения всяких эльфских поручений.

Илидор вдруг замолчал, уставился невидящими глазами на шкаф с мисками и кружками. Кулаки его сжались еще сильнее, крылья с шорохом раскрылись, едва не свалив корзины со снедью, которую Конхард купил на привратном рынке.

– И драконы помогают? – быстро спросила Нелла.

– Их связывает Слово, – Илидор мотнул головой. – А эльфы могут потребовать самых разных вещей. К примеру, сказать, чтобы ледяные драконы заморозили им небольшую реку. Ну, если требуется организовать переход, и нет нужды строить мост. Ледяной дракон может со временем надыхать целый подпол льда, чтобы хранить в нем мясо – очень удобно, когда у тебя не один ледяной дракон, и осенью никто не помешает тебе скупить всё мясо в округе, чтобы потом задрать на него цену. А может быть, семейство таких драконов превратит в ледяной городок деревеньку, которая задолжала податей за четыре года.

Нелла охнула, прижав ладонь ко рту. Подумать только: в прежние времена вот такие точно чудовища жили здесь, под землей, они могли прийти в Гимбл, они воевали с Гимблом! Конечно, гномы дальних городов первыми стали теснить драконов с обжитых теми мест, но ведь...

И этот милый золотоглазый дракончик Илидор, безобидный, как домашняя кошка, он вырос среди таких ужасных монстров!

– Конечно, многим это не нравится, – Илидор смотрел сквозь Неллу. – Ледяные драконы вовсе не испытывают радости, замораживая поселения. Слышащие воду очень злятся, когда их вынуждают высушивать деревья... И я не знаю, кого больше: драконов, которые просто живут среди всего этого, стиснув клыки, и ждут, когда эльфы наконец вымрут, или же тех, кто хочет найти способ вырваться на волю. Ведь эльфы строго следят, чтобы те, вторые, не получили свободы действий, не смогли обменяться мыслями друг с другом, понять, сколько их, утвердиться в своих намерениях – ведь тогда эльфам пришлось бы очень туго! Конечно, и без того иногда кто-нибудь сбегает, но это не то же самое, что единовременный побег многих, способный посеять панику в окружающих селениях и эльфских умах, подстегнуть решимость драконов, которые проживают свои годы в апатии и терпеливости. Наверное, это не привело бы ни к чему, ведь нет способа нарушить данное Слово, не потеряв голоса, но эльфам выгоднее, когда драконы послушны и рядом, а не когда они нарушают эльфские планы. К тому же нам неплохо удаются всяческие диверсии, и много разных вещей мы могли бы придумать, объединившись.

– Неужели вы даже не пытались? – возмутилась Нелла. – Разве можно жить вот так?

Впрочем, кто знает, как можно, как нужно и как лучше, если впереди у тебя – сотни лет!

– Драконов держит Слово, – повторил Илидор. Его крылья с шорохом сложились, и гномка тихонько выдохнула: корзины устояли, яблоки не рассыпались по всему полу. – Если драконы улетят, то станут людьми навсегда и погибнут, ведь они ничего не умеют, а эльфы

будут охотиться за ними. А если не улетят – тогда рано или поздно они станут свободными. Уж сколько рас появилось и сгнуло в подземье и под солнцем – драконы пережили всех и переживут тех, кто ходит сегодня по земле и под ней. Но некоторые всё равно сбегают, а ведь у эльфов каждый из нас на счету... Потому они стали воспитывать из драконьшей шпионов. Не знаю, как им это удастся, ведь это извращение самой нашей сути – предать интересы драконов ради других существ, но иногда так происходит. Некоторые старшие драконы говорят, будто Донкернас меняет нашу суть, а может быть, не Донкернас, а сама жизнь в солнечном мире. Словом, эльфы превращают некоторых драконов в своих... союзников, действующих не по принуждению, а по собственному желанию, и мы вынуждены жить в постоянной оглядке, взвешивать каждое своё слово.

Илидор вздохнул, взял кувшин и принялся наливать в чашку воду. Нелла с большим облегчением заметила, что, несмотря на жуткие вещи, о которых дракон говорил, он стал двигаться и звучать намного спокойнее, и клубы мрака сделались почти незаметными под его крыльями.

– Однако всё находилось в каком-никаком равновесии, ведь незыблемы были две вещи: никто из драконов не может нарушить Слова, не потеряв своей ипостаси, и мы нужны эльфам. Во многом они возвысились благодаря нам, они привыкли пользоваться нашей силой, строить планы, опираясь на нас, и волей-неволей они заботились о нас и берегли наших драконьшей.

– Выходит, вас осталось немного?

– Совсем мало. Почти все погибли здесь, в Такароне: кого убили ваши машины, а многие просто перестали быть, потратив в борьбе всю магию... все жизненные силы. Из тысяч драконов разных видов, что жили под землей, наверх ушло несколько десятков, пять семейств: снящие ужас, ледяные, эфирные, слышащие воду и ядовитые. Не все пережили первые недели под солнцем, а потом эльфы едва не угробили оставшихся, вынуждая делать так много, что мы снова стали гибнуть, полностью истощенные. Мы не плодимся быстро и продолжаем подчас гибнуть в Донкернасе, так что...

– Но когда ты появился, всё переменялось, – подсказала Нелла.

Ей до смерти хотелось узнать эту историю – как же получают золотые драконы?

– Когда я вылупился на свет, эльфы пришли в большой восторг: они быстро обнаружили, что я умею слышать драгоценные камни и руды. Но никому из этих умников не пришло в голову, что золотой дракон не принадлежит ни к какому другому роду. На самом деле, наверняка этого не знали и сами драконы. Они не знали и они меня сторонились, даже остерегались – ведь меня не бывает, и они не очень-то понимали, чего ждать от того, чего не бывает. Только одна старая драконица, Хшссторга, она называла идиотами тех, кто смотрел на меня искоса и говорила: «Не стоит бояться золотого дракончика. Золото самодостаточно». Но она тоже не рвалась со мной общаться. Словом, я сам, без всяких подсказок понял, что меня не связывает Слово эфирных драконов, в кладке которых я появился на свет. Довольно быстро понял, надо сказать.

Гномка вздохнула.

– Эфирные драконы... у них ужасно косное мышление. Наверное, так нужно, чтобы уравновешивать исчезающую сущность их магии. Для эфирного дракона все вещи, кроме магии, одинаковы раз и навсегда, потому они даже не думают о побеге, а драконьши даже не начинают летать, пока эльфы не скажут им, что теперь можно. В детстве эльфы связывают им крылья – драконьш хочет взлететь, но не может. И потом, когда он становится достаточно большим, чтобы его не могли удержать веревки, когда их уже давно нет – дракон не пытается взлететь: он знает, что не может.

А я взлетел, как только с меня сняли веревки. Я был совсем маленьким, но мне хватило ума, чтобы не делать этого на глазах эльфов или других драконов. Но я понял, что отличаюсь

от них и не принадлежу к эфирному роду, что моя чешуя – не просто цвет, а знак чего-то большего.

Дальше было много всякого. Я осторожно, понемногу убеждался, что свободен в своих действиях, в отличие от остальных, но не был в этом уверен абсолютно до того дня, когда покинул Донкернас. Я сделал это немного раньше, чем планировал, потому что... ну, драконица, с которой я был... был близок... и оттого немного откровеннее, чем надо, Даарнейриа – она оказалась шпионкой, а я оказался болваном, который не понял, почему это такая прекрасная драконица не сторонится меня, как все остальные. Она меня здорово надурила, конечно, из-за этого мне пришлось не просто бежать из Донкернаса, а бежать быстро.

Гномка сидела, комкая на коленях полотенце, смотрела на дракона, не моргая, ее лицо было залито слезами.

– О камень, – всхлипнула она, – до чего ж тебе досталось! Как ты сумел всё это пережить? Как ты можешь быть таким, таким, – её лицо исказилось, новый поток слез побежал по щекам, – таким светлым, так всему радоваться, так...

– Почему же не радоваться? – улыбка озарила лицо Илидора, и стало невозможно поверить, что он совсем недавно орал и колотил кулаками по столу, а под его крыльями расплзлась мгла. – Я выбрался оттуда! У меня теперь есть целый мир, и он прекрасен! Я смог вернуться в родные горы, я чувствую дыхание подземий, а Такарон отзывается на моё дыхание! Где-то там, в глубинах, есть ответы на все мои вопросы, а на севере, быть может, ждут меня другие драконы! Как этому не радоваться, Нелла?

Она махнула на него кухонным полотенцем, другой рукой отерла слезы со щек.

– Всё это... неволя, предательство, одиночество. Ты хороший человек, Илидор, то есть хороший дракон, если всё это не озлобило тебя. Если всё это не продолжает болеть у тебя внутри, разъедать тебя, убивать тебя и отравлять тех, кто рядом с тобой!

Илидор отвернулся.

– Боль есть всегда, Нелла. Но Донкернас, он... не приучает драконышей к мысли, будто всё должно быть в порядке. Я видел такое представление у эльфов, когда шел к Такарону, я вижу его у вас. Вы с чего-то взяли, будто всё должно быть хорошо, а когда становится плохо, вы начинаете бурно возмущаться, на всех орать и пьянствовать вместо того, чтобы просто сосредоточиться и убрать плохое. Но это такая глупость. Неудачи, потери, смерть, предательство – часть любой жизни, их не нужно бояться. Нужно только научиться их выносить и не позволять им разрушать тебя.

Нелла уткнулась лицом в полотенце.

– Какой ты умник, – порадовался Конхард, который, оказывается, опирался на косяк в дверях, ведущих в комнаты. – Прямо душа радуется от того, какой ты умник, но только скажи: отчего тебя так переворачивает, когда король просит найти в подземьях одну маленькую машину?

Илидор вздрогнул при первом звуке голоса Конхарда, потом поморщился, поднялся из-за стола, принялся расхаживать туда-сюда, то и дело натываясь на углы мебели, ящики и корзины.

– Когда я улетаю из Донкернаса, мне дважды едва не оттапали ногу, один раз чуть не сожгли и один раз зарядили булыжником в бок, еще немного – сломали бы крыло. Разумеется, всё это сделали при помощи машин. А если я примусь рассказывать, как драконышей дрессируют, используя машины, как с их помощью обездвигивают, наказывают, удерживают взрослых драконов – мы проторчим за этими историями до ночи. Словом, я просто не люблю машины, Конхард, и, заметь, это я еще и слова не сказал о том, как из-за них погибли почти все драконы, а выжившие сбежали из подземий!

Двумя кулаками Илидор ахнул по столу, и звон от подпрыгнувшей посуды прокатился по дому.

– И вот теперь, ты понимаешь, теперь ваш король хочет, чтобы я нашел ему машину! Не камни! Не металлы! Не короткий путь в пропасть! Машину! Seriously?

Нелла швырнула в Конхарда полотенце.

– Я не умею не бояться машин! – припечатал Илидор, и его крылья снова развернулись, а клубки мглы под ними стали похожи на грозовые тучи. – Это самое злобное зло для драконов, это единственное, чего мы не могли победить, и мы с машинами ненавидим друг друга, но я не умею бороться с ними, а они умеют бороться со мной! Я *ничего* не могу им противопоставить! Это единственное, что продолжает меня разрушать! Ты доволен?

2.3

Как можно выносить тишину векописных архивов, эту особенную тишину, абсолютную, не нарушаемую, а только дополняемую шорохами, бесконечную и гулкую, неустанно напоминающую о том, какой долгий путь проделал народ гномов лишь для того, чтобы теперь кто-то мог прийти в архивы и послушать это молчание?

Правда, почти никто и никогда не приходил в архивы, обиталище векописцев.

Длинные ряды стеллажей, пахнущих каменной крошкой и пергаментом из кожи горбачей, пылью и чернилами. Черные в серых прожилках плиты пола, которые глушат шаги, и кажется, будто векописцы передвигаются по архивам беззвучно, лишь изредка можно уловить шорох мантий или хриплое дыхание старейших. Мерцающий желто-зеленый свет из окон на северной стене: стена выходит к пропасти, за которой вдали – бесконечно высокие стены подземий с текучей лавой.

Иган Колотушка любила смотреть на медленно текущие лавовые реки (чего еще ждать от Иган, она же чудачка!), а остальные векописцы говорили, что от их сияния становится больно глазам. Другим векописцам лучше думалось, когда они перебирали пергаменты или в тысячный раз сортировали записи и каменные таблички, когда дополняли и переписывали каталоги – словом, взаимодействовали с чем-то неподвижным, молчаливым, безопасным.

Иган любила эту тишину архивов, оттеняемую, как музыкой, шорохом мантий или скрипом пера. Этот запах пыли, камня и глубины веков, торжественный и вечный, это ощущение собственной малости и быстротечности перед ликом минувших и грядущих лет. Всё это дышало умиротворением и даже просветлением. Конечно, то же самое чувствовали все прочие векописцы, ибо мог быть только один способ смириться с атмосферой архивов – полюбить её, только один способ примириться с собственной ничтожностью перед ними – принять её как должное. Но едва ли кого из векописцев обурежала такая страсть, какая наполняла дни Иган. Она отличалась от них: и от тех, кто выполнял свою работу спустя рукава, не имея никаких надежд стать чем-нибудь большим, чем переписчик, и от тех, кто мог существовать только в ритме и гармонии покрытых пылью преданий, становясь тенью событий прошлых веков, не способных говорить и помышлять о чем-то ином... о жизни за пределами архивов и даже самого Гимбла, о живой, а не пергаментно-каменной истории, застывшей где-то там, в глубине гор, о нераскрытых секретах и нерасказанных историях дальних подземий, до которых теперь, спустя столько времени, можно добраться лишь двумя способами: совершенно случайно или очень хорошо зная, где нужно искать.

Потому, мечтая о старых тайнах глубинных подземий, Иган продолжала всей душой любить архивы: она была уверена, что только вместе они, глубины и архивы, могут дать гномам их подлинную и полную историю. Словом, Иган Колотушка была чудачкой.

Да, почти никто не приходил в обиталище векописцев, потому всем надолго запомнился день, когда застывшая тишина этого места была разрушена старшим стражем Приглубного квартала Йорингом Упорным.

– Что значит: вы не подготовили списки? – донесся до Иган чужой голос, низко-рокочущий, и она оторвалась от созерцания лавовых водопадов, не веря собственным ушам.

Никто и никогда не разговаривал в архивах таким тоном, с такой страстью и столь громко! Даже старший векописец Брийгис Премудрый куда сдержанней распекал переписчика, залившего мраморный стол чернилами! А кто, спрашивается, осмелится звучать в архивах громче Брийгиса? Разве что Югрунн Слышатель!

– Давайте-ка еще раз! – бушевал незнакомый голос (нет, он совершенно точно не принадлежал королю!). – Вам вчера направили запрос: так и сяк, почтенные, поднимите-ка жопы и распишите нам все места, где мог быть утерян бегун! У вас же всё записано!

– Но ведь только вчера... – начал было голос Брийгиса, однако незнакомец не дал ему договорить:

– Вас тут прорва! И все грамотные! Да пусть меня покрасят! Чем вы занимались целый день? Почему до сих пор...

Иган оставила свой пост у окна и поспешила на звук: мимо полок и стеллажей, мимо мраморных столов, сбивающихся в кучки векописцев, вслед за некоторыми, кто тоже несся на звук ссоры, чтобы узнать, кто это смеет повышать голос на Брийгиса Премудрого, и выразить всяческое порицание такому поведению.

Брийгис, в своей всегдашней серо-черной мантии, стоял прямо в арке, отделяющей зал от привходья, стоял боком к залу, и свет лампы освещал профиль старшего векописца, его лысый череп, крупный нос, кустистые брови, под которыми едва видны были глаза, вытатуированную на виске чернильницу с пером. Его собеседника, точнее, того, кто так возмутительно кричал на весь архив, Иган не видела: его заслоняли другие векописцы.

– Да ведь только на поиски источников по каталогам... – Брийгис отер лоб, обернулся в поисках поддержки к залу, и лицо его просияло при виде Иган. – А вот и та, кому виртуозно удается систематизация множества данных в сжатейшие сроки, верно, дорогая?

Иган, чуть порозовев щеками от такой щедрой похвалы, подошла. Конечно, ей виртуозно удастся систематизация, но это не потому что Иган особенная, а потому что добросовестная и еще молодая. Векописцы старой школы, ровесники Брийгиса, давно утратили ловкость пальцев, остроту зрения и цепкость памяти, а среди молодых – множество нерадивых. Многие искренне болеют душой за собственную историю, но немногие понимают, как великие деяния предков связаны с необходимостью снова переделывать списки табличек и пергаментов.

Возмутителем архивного спокойствия оказался гном возраста Иган или чуть старше: юность давно осталась позади, но про старость еще можно всерьез не задумываться. Был он одет в доспехи стража, кожаные с пластинчатыми вставками, с перевязью без ножен на поясе – значит, страж из приглубных кварталов, который ходит в дозор по ближайшим подземьям. А его оружие – видимо, топор, снятый, конечно, только по необходимости: было бы страшным неуважением прийти в архив вооруженным. Обычно-то гномы таскали топоры и молоты всегда, даже если собирались в харчевню, в лавку или за водой к реке Галан: уверяли, что без оружия ощущают себя, во-первых, голыми, а во-вторых, такими легкими, словно того и гляди свалятся вверх и уьются о каменные своды.

Лицо у стража было хмурое, резко очерченное, складки между бровями и привычно выдвинутая челюсть давали понять, что упрямство – самая главная черта нежданного гостя, и проявляет он её направо и налево очень охотно, постоянно и без всяческой оглядки на действительность. И словно со стороны Иган увидела стоящую перед ним себя: коренастую гномку в серой мантии, с вечно торчащими во все стороны темными волосами, с вечной полуулыбкой на губах. Как раз такую, какую этот стражий гном просто сожрет в следующий миг, если только Брийгис отойдет хотя бы на шаг.

– Иган, дорогая, – старший векописец положил руку ей на плечо. – Вчера Жарбей и Ролли каталогизировали ряд источников, где может быть информация, необходимая для поисков в

подземьях. Списки оставили на главном столе северной комнаты Камня. Я прошу тебя к завтрашнему дню приготовить по ним выписку для стража Йоринга.

И, отечески улыбнувшись, Брийгис с редкой для него поспешностью исчез в зале. Иган испуганно оглянулась, но остальные векописцы тоже отвернулись от нее и торопились скрыться с глаз. То есть заняться своими очень важными делами, конечно же. Шуршали мантии, тихо постукивали башмаки по плитам пола, слышалось хриплое дыхание кого-то из старших, скрипели невидимые за стеллажами перья, молчал страж Йоринг, видимо, опешивший не меньше Иган.

Значит, подземья.

Губы гномки дрогнули в неуверенной улыбке. Что же, возможно, это и к лучшему, что ее бросили на растерзание Йорингу – значит, никто из векописцев не услышит ничего, слишком для себя удивительного.

– Итак, вы отправляетесь в подземья, – поняв, что Йоринг злился только на Брийгиса и больше кричать вроде бы не собирается, Иган улыбнулась смелее.

Он молча смотрел на нее и ждал продолжения, но гномка тоже всё молчала и молчала, потому в конце концов страж ответил:

– Планируется вылазка неопределенной длительности в составе группы для изучения путей ближайшего подземья, которые могут определить последующий путь к основной цели.

Бр-р, какие жуткие и явно чужие слова, наверняка из какого-нибудь внутристражьего распоряжения, из тех, что зачитываются вслух. Говорят, стражи должны заучивать такие распоряжения наизусть, ведь обычные гномы почти не обучены грамоте.

– А что будет этой основной целью? – деловито спросила Иган, изо всех сил надеясь, что это нечто, требующее серьезных и обстоятельных поисков.

– Бегун.

– Ох! – вырвалось у нее.

Да уж, куда обстоятельнее! Экспериментальная машина то ли была, а то ли нет, то ли сгинула под завалом, то ли утонула в лаве, а может быть, ее разорвало взрывом на маленькие деталюшки. И совершенно неясно, где это произошло: в средних подземьях или в дальних, под стенами одного из потерянных городов. Ко всему прочему, толком неизвестно, как выглядел бегун, то есть существует три более-менее подробных описания, но совпадений между ними – одно лишь название.

«И на площади Вулбена предстала передо нами машина бегун, что была чернее ночи и тяжелее статуи, поскольку почти целиком состояла из обсидиановых пластин, она была о сорока подвижных ногах с двумя коленями и с глазами, мечущими пыль. Голова её срощена с телом, а ростом она невелика, хотя и способна везти седока, но вышагивает вместе с механистом, очень послушная его командам, которые он подаёт, касаясь обсидианового тела, поскольку у бегунов нет ух. Куда потом делась машина бегун с площади Вулбена, мне неизвестно».

«Позднее мне сказали, что эта машина, не похожая на машину, а похожая на огромную кошку, только вместо ног имеющая ползучие цепи и седло на спине, на такой высоте, что приходится задирать голову, если желаешь рассмотреть седока, называется бегуном, поскольку быстра, словно бег или ветер, реющий на огромной высоте или в глубях. Было это на дороге, что соединяла Ардинг и его восточный пригород, где богатейшие залежи обсидиана соперничают с редкостью синемаменных драгоценностей, для добычи которых обыкновенно отряжают множества горняков».

«Промчавшийся мимо меня бегун имел вид восьминоги и на круглых шариках в конце ног, утопленных в держатели. Прямо в его спину было вделано седло в форме кресла. Внутри этого кресла сидел механист, он кричал что-то в большие, словно тарелки, уши машины и еще при том всё время хохотал, направляя бегуна туда, куда у него было желание двигаться».

Наблюдал я это незадолго до последней битвы за Масдулаг. Некоторые гномы, встреченные мною впоследствии, упоминали, что до самого падения города на бегуне привозили питьевую воду тем доблестным защитникам, которые прикрывали последний отход наших войск...»

А вдобавок к этим упоминаниям, есть еще множество обрывочных намеков, которые указывают куда попало, и которые нельзя игнорировать, если заниматься поисками всерьез. Так что искать эту машину можно всю жизнь и еще немножко.

Ох, да ведь потому бегуна и не искали: это полностью безнадежно! До того безнадежно, что гномы пытались придумать другой транспорт, но никак это у них не выходило: гимблские механисты славились разве что боевыми машинами. Сторожевых вот еще научились делать с горем пополам, да и то они жили вдвое меньше расчётного срока, а ресурсов потребляли в два раза больше, и никак не выходило устранить эти недочеты, не наплодив других. Но транспорт – нет, головы гимблских мастеров не умели думать так, чтобы его придумать.

Только скорее уж гимблский механист создаст транспорт, чем кому-то удастся найти одну-единственную машину в гигантских подземьях Такарона!

Разве что ситуация отчего-то вдруг стала иной, сообразила Иган, но задать вопрос не решилась. Кто знает, как Йоринг воспримет такое любопытство, а раздражать стража ей было вовсе ни к чему.

– Что же, – со всей возможной невозмутимостью проговорила гномка, – раз с каталогом уже поработали – полагаю, завтра, до второго звона, я составлю для вас список всех упоминаемых бегуна, которые у нас имеются.

– А про драконьи сокровищницы у вас тут что-нибудь есть? – быстро спросил Йоринг и невинно пояснил: – ну, если вдруг нам всё равно придется идти в дальние подземья...

– Драконы не создавали сокровищниц, – ответила Иган добрым голосом, и Йоринг понял, что он не первый гном, задавший этот вопрос. – Драконы не испытывали нужды забирать камни оттуда, где они лежат, ведь весь Такарон и так был их домом вместе со всем содержимым. И уж конечно драконы не носили никаких драгоценностей в бой!

При этих словах Йоринг сперва вскинул брови, потом сильно наморщил лоб, и было почти видно, как ворочаются в его голове сложные мысли.

– Тогда почему ж те, кто вернулся от грядовых воителей, говорят, будто находили камни вокруг драконьих костей?

Настал черед Иган морщить лоб. Гномка честно пыталась представить, зачем подобное могло случаться, но хорошего объяснения в голову так и не пришло, потому она лишь махнула рукой:

– С большой вероятностью, эти рассказчики просто набивали себе цену или хотели отвести других гномов от подобных вылазок.

– Да они и так не больно-то рвутся, – вздохнул Йоринг, словно ежедневно мечтал сопроводить в подземные вылазки весь Приглубный квартал от мала до велика. С домашними питомцами и утварью.

Гномка промолчала.

– Ну, значит, до завтра, – решил страж и погупал к двери.

– Да, я подготовлю список мест, – быстро проговорила Иган ему в спину: – и пойду с вами.

– Че-го? – уже приоткрывший дверь Йоринг едва не выпал на улицу Познания, но тут же резко качнулся назад и с оттяжкой захлопнул дверь. – Куда с нами, в подземья?

Иган стиснула зубы.

– Разумеется. Ведь кто-то должен...

– Что? – голос Йоринга снова загредел на весь архив, и Иган представила, как векописцы оборачиваются на звук, делают осуждающие лица. – Что должен? Задерживать движение отряда? Скормиться хробоидам? Сорваться в озеро лавы?

– Кто-то должен заполнить пробелы на картах подземий! – вознегодовала Иган. – Хотя бы ближних! Если бы наши карты были подробнее, полнее, то, знаете, мы многое в векописях могли бы понять лучше, и... и в том числе мы бы сузили число мест, где мог быть утерян бегун!

Йоринг запыхтел и не нашел, что возразить.

– И еще, скажите пожалуйста, что вы собираетесь делать под землей со списком и без гнома, который умеет читать?

Страж выпучил глаза.

– Описания слишком сложные, разрозненные и неточные, к тому же указывают на разные места в ближних и дальних подземьях, – напирала Иган, – а по некоторым описаниям вообще непонятно, о чем идет речь, нужно разбираться на месте! Я не смогу просто поставить вам точки на картах, потому что и карт половины тех мест просто нет!

– Да пусть меня покрасят, – пробормотал Йоринг и закрыл глаза ладонью.

– Я не стану обузой, – пообещала Иган.

Страж испустил долгий вздох, отнял ладонь от лица и с большим недоверием оглядел гномку, такую кругленькую, чистенькую, в дурацкой обуви на мягкой подошве и с открытыми пальцами.

– Ну ладно, может, и стану, – она топнула ногой. – Но я принесу пользу! Не только отряду, всем гномам, какие будут ходить в подземья после меня! Всем, кто изучает векописи, ведь... ведь мы наверняка обнаружим неизвестные места и тропы, не обозначенные на картах! Да я всю жизнь мечтала восполнить пробелы в наших знаниях, хотя бы самые малые, самые ближние! Да вы только попробуйте не взять меня с собой! Кроме того, – она чуть повысила голос, увидев, что Йоринг собирается что-то сказать, – кроме того, вы же не читали векописей... не тех, которые касаются бегуна, а других, которые сумеют помочь сориентироваться там, в глубине! А я их сколько изучила! Если вы будете бродить там одни, то можете упустить нечто важное, а я как раз могу припомнить: о, ведь я читала про похожий разлом! Или: о, некое иносказательное описание подходит к тому, что я вижу перед собой!.. Ну? Ответьте! Даже если у вас лучший в мире поисковый отряд – подземья огромные, бегун мог быть утерян в десятке мест, вам нужен кто-то, способный задавать направление! Ну, признайте! Вы ведь на самом деле не думаете, будто векописец только и может, что свалиться в лавовое озеро?!

– И впрямь, не думаю, – удивился Йоринг. – Только это не мне решать, брать вас с собой или нет, но меня вы немного убедили. Это странно. Мне это не нравится. Я приду завтра за списком... и с ответом.

Когда Йоринг вышел из архива, Иган утерла со лба пот и спиной сползла по стене – ноги подогнулись.

Она не стала сразу огорошивать стража, что желает не только дополнить карты подземий, но и найти место, где принял последний бой отряд Грульда Кулака. В этом отряде были прадед и прабабка Иган, и всё, что семье осталось от них – рукоять молота.

Иган с детства так завораживали истории про войну и драконов, так восхищала эта оставшаяся от предков рукоять, местами гладкая и местами шершавая, с отверстиями, чтобы уменьшить ее вес, со рваным косым сломом в том месте, где откололась верхняя часть. У Иган была даже специальная перевязь, чтобы носить рукоять, и гномка всегда ее надевала на праздники и в дни чествования предков. И мечтала найти где-то далеко в подземьях то самое место, где бился отряд Грульда. И, быть может, Иган обучилась грамоте и стала векописцем только потому, что это был единственный способ узнать что-то о предках, а если повезет – дожидаться того дня, когда можно будет самой спуститься в подземья.

Да, Иган Колотушка была той еще чудачкой.

2.4

двадцатый день сезона свистящих гейзеров

По Топазному залу разливалось тепло, трепетными сполохами отражался на желтых стенах такой же желтый свет многочисленных ламп: фигурные кованые подставки со сложным кружевным плетением, колпаки из стекла – прозрачного, вершинного, не местного. Блестели огоньки на оградках трехрядного амфитеатра, на мозаичном полу: вкрапления черного мрамора на желтом. Возвышение с трон-креслом, сплетенным из лозы, оставалось пустым. Торжественными стражами подпирали потолок колонны с лицами предков, выложенными камнями: серыми, черными, белыми.

Король Югрунн Слышатель, славный потомок Ёрта, и восемь его советников шествовали к центру зала, к большому кругу, выложенному крупнейшими и желтейшими топазами, которые когда-либо находили в горах Такарона. В кругу уже стоял Илидор, стоял и задорно сиял золотыми глазами – казалось, они состоят из горстей начищенных монеток, что ярче и драгоценней любых топазов. Зрачок, расширенный, едва заметно вытянутый кверху – вкрапление черного мрамора в золоте. Глаза улыбались, дракон улыбался, тихонько мурлыкал себе под нос, разглядывая приближающихся гномов. Его вид, его поза, его мурлыканье были одним сплошным нарушением этикета, разумеется, но откуда дракону знать про этикет?

«И тогда души тех, кто пал в бою, не осенив себя славой, съел Брокк Душеед, – звучал в ушах Илидора голос Неллы, – Брокк – самое жуткое создание, когда-либо обитавшее в этих горах. Он похож на чернильную кляксу размером с полдома и может принять любую форму. Но в любой форме он останется леденящим ужасом, воплощенной безысходностью».

– Дракон, – советники остановились за границей выложенного топазами круга, внутри ступил только король Югрунн Слышатель.

Илидор помедлил, с интересом разглядывая гнома. Немолодой, с лицом чисто выбритым, смелым и властным, морщинистым, словно кора дерева бубинга, седые волосы стянуты в хвост, на висках татуировки в виде трона и той же формы крупная пряжка на поясе, за которым он держит большие пальцы рук. Югрунн стоит, распрямив плечи, едва заметно отставив правую ногу. На нём бледно-желтая рубаха из шелка, свободные штаны, наверняка скрывающие деформированное колено, и башмаки с толстой мягкой подошвой.

В ближайшем ряду амфитеатра возник лысый векописец с чернильницей и свитком пергамента, возник почти беззвучно, если не считать шороха черно-серой мантии.

Приветствуя короля, Илидор медленно и едва заметно наклонил голову. В ушах его продолжал звучать голос Неллы, и дракон не собирался ничего делать с этим:

«Брокк Душеед ползёт по полю битвы, как мохнатая гусеница, обросшая клоками тьмы, и собирает свою жатву. Брокк Душеед приходит в мирные дома, в шахты, в сторожевые башни и собирает, собирает там свою жатву. Брокк Душеед приходит за душой каждого гнома, который жил мелко и умер трусливо».

– Я готов услышать и с уважением принять твоё Слово. – Мощный голос короля едва заметно подрагивал. – Когда ты его выполнишь, взамен я дам тебе возможность пройти дальше через горы Такарона, поделюсь картами и знаниями про всё, что встречалось нам в дальних подземьях. А также запасами и сопровождающими, я выделю для тебя столько гномов, сколько потребуется, чтобы ты смог преодолеть подземья до северного выхода на поверхность.

«Но Брокк Душеед – не дух Такарона, не его дитя и не чуждая суть, приходящая извне. И он не появится, пока его не позовут».

Илидор снова слегка наклонил голову. Лицо Югрунна посуровело, точно кора дерева бубинга вмиг иссохла без влаги.

– Даёшь ли ты мне Слово приложить своё драконье чутьё гор для поисков утерянной нами машины-бегуна? Даёшь ли Слово пройти так далеко вглубь подземий, как потребуется, плечом к плечу с нашими стражами, воинами, учеными, делить с ними еду и воду, сражаться с ними, когда это потребуется? Даёшь ли Слово не искать обманных путей и оставаться верным своей цели, пока она не будет выполнена, или пока ты не поймёшь, что достичь её невозможно?

С каждой фразой короля губы Илидора сжимались всё сильнее, ярче разгорались золотые глаза, бледнее становились щеки. В опустившейся на камни тишине он сделал короткий быстрый выдох и с расстановкой проговорил:

– Я, Илидор, золотой дракон, даю тебе такое Слово, Югрунн Слышатель, и пусть я утрачу свой голос, если нарушу его.

«Брокк Душеед – такой неумолимый, такой страшный и могучий – всего лишь порождение нашего собственного страха. Каждый, кто живет мелко и умирает трусливо, своим же последним вздохом и порождает Брокка Душееда. Порождает и призывает по свою душу собственного, могучего, неумолимого Брокка Душееда!»

Восемь советников стояли за кругом, едва дыша, поедая глазами дракона и своего короля. Тишину нарушал только лихорадочный скрип пера векописца.

– Я ценю твоё упорство и отвагу, дракон, – тепло произнес Югрунн, улыбнувшись настолько дружелюбно, насколько способен дружелюбно улыбаться немолодой гном с лицом морщинистым, словно кора дерева бубинга. – Я знаю, драконы храбры, многие твои сородичи не убоялись бы встретиться лицом к лицу с опасностями нынешнего подземья. Но мало кто из них отважился бы искать машину, даже будь его выбор столь мал, как твой.

Гномы разом выдохнули и отвернулись, пряча ухмылки, но некоторые неодобрительно покачали головами. Ближайший советник Ндар едва заметно нахмурил брови: он непременно сообщит потом королю о своём мнении по поводу этой гадкой шпильки, которую вовсе не обязательно было втыкать в дракона. Что поделаться, таким уж был Югрунн Слышатель: способным поспориться со всем миром за право благородно подставить плечо поверженному врагу – и способным с разбега сигануть ему напрямиком на любимую мозоль.

К величайшему изумлению почтенных гномов, совершенно вразрез со всяческим представлением об этикете и с самим духом этого величественного зала, Илидор громко рассмеялся и с резким хлопком наполовину развернул крылья плаща, вынудив почтенных гномов отшатнуться. Только Югрунн не двинулся с места, и ничто не дрогнуло в его лице.

– Ведь мы и представить себе не можем глубины того ужаса, который ты испытываешь перед машинами, – упрямо закончил король.

Дракон мотнул головой, враз сделавшись серьезным, золотые глаза его блеснули упрямо.

– Испытываю, – легко согласился он и тут же снова улыбнулся так открыто, что король помимо воли едва не заулыбался в ответ. – Но важно не это, важно – что я знаю, как перестать бояться: повернуться к своему ужасу лицом, рассмотреть его. Вытерпеть, не отвернуться, не дрогнуть, не сбежать. Распахнуться навстречу тому, что пугает.

Югрунн Слышатель понял, какими будут следующие слова дракона, но всё, что он теперь мог – выругать себя за самонадежность, из-за которой завёл этот разговор, да придать лицу выражение невозмутимости.

– И победить его, – негромко и твердо проговорил Илидор, мощно потряхнул крыльями плаща, словно сбрасывая с них невидимую влагу. – Я благодарен тебе за эту возможность, Югрунн Слышатель, король Гимбла.

Коротко кивнув, он пошел к выходу из зала, напевая бодрый мотив без слов, едва не пританцовывая и навстречу чему-то раскидывая руки. Поперек всех представлений об этикете

и вопреки самому духу этого места, разумеется. Но разве есть в мире сила, способная помешать дракону возложить кочергу на этикет?

Глава 3

«До сих пор не вполне ясно, как отражается пребывание в солнечном мире на драконах: даже связанные Словом, они предельно хитры, и у меня нет полной уверенности, что наши исследования драконьей магии чего-то стоят. Я могу лишь предполагать, что произойдёт с магией дракона, рожденного в солнечном мире и вернувшегося в горы Такарона, к своей исходной стихии...»

Но пусть меня съедят навозные жуки, если я желаю оказаться поблизости, когда этот вопрос прояснится!»

Из записей Теландона, верховного мага донкернасского домена

двадцать второй день сезона свистящих гейзеров

Впереди клубилась серость – дым, пыль, облака или, отчего-то пришла в голову странная мысль – может быть, лёд? Размыто-серое нечто непременно должно быть холодным, достаточно холодным, чтобы никто не приблизился к нему, не пожелал подойти ближе и рассмотреть получше.

В клубящейся пыле-облачно-поточно-ледяной взвеси чего-то не хватало, серость была сплошной, плотной, но незавершенной, понял вдруг Илидор, и в тот же миг, как он это понял, появился недостающий элемент. Нечто монументальное двигалось с той стороны ледяного облака, приближалось быстро и едва-едва, словно там, где оно шло, вечность сжималась силой его воли, властью его мыслей. Одновременно и клубы облаков собирались в серый силуэт, и серый силуэт проявлялся среди клубящихся облаков, сверкал в бесцветной дымке теплым оранжево-желтым, растапливал ледяной дым своим дыханием, вылетающими из ноздрей искрами, обжигающим пылением глаз. Он согревал серость, а серость охлаждала его сияние, и казалось, он создается из неё – гигантский, тоже какой-то приглушенный, не то дымящийся, не то сыпающийся куда-то.

Дракон. Невероятно огромный, закрывающий собой уже половину этого пепельного мира, с головой, словно вырезанной из ствола очень старого дерева, когда-то выросшего до самого неба. Даже зубы были продолжением подбородка, такими же серыми и в бороздках. Пылали под резко очерченными надбровьями оранжевые глаза со змеиными зрачками, вырывались искры и язычки пламени из пасти и ноздрей, от дыхания колыхался воздух, создавая вокруг драконьей головы колебания, еще больше делавшие его похожим на видение. Острые головные гребни, обращенные назад, походили на уши, прижатые к голове перед прыжком. Илидор не видел тела этого исполина, потому что был не в силах оторвать взгляд от его головы. На подбородке чешуя-кора чуть разошлась, и кто-то скрепил её двумя металлическими скобами длиной с человеческую руку. Глаза следили за Илидором.

Голова гигантского дракона оказалась прямо перед ним и развернулась левой стороной, из пасти с шипением-свистом вырвался прозрачный оранжевый язык пламени, выбросил искры на изрытый бороздами квадратный подбородок. Глаз еще мгновение пылливо смотрел на Илидора, потом вдруг подмигнул.

– Ты слышишь меня. Ведь звук побуждает толчок, – прошептал дракон, и от его огненного дыхания затрещали, обгорая, брови Илидора.

– А-га, – выдохнул он и проснулся от звука собственного голоса.

Глаза Илидора горели в темноте так ярко, что от их света с шорохом умчалась обратно в стенную щель маленькая мышка, прибежавшая на запах недоеденного ужина.

* * *

Дракон висел на почти отвесной скале, прильнув к ней, обняв её крыльями, и пел. Голос его, одновременно звонкий и мощный, отдавался от скал, разносился с теплым воздухом, вибрировал в нём и в груди каждого, кто мог его слышать. И гномский город Гимбл слушал дракона, а дракон слушал гномский город, и они понимали друг друга настолько хорошо, насколько могут друг друга понять дети одной сущности.

Некоторые гномы, приложив руки к голове козырьком, откровенно любовались драконом – сверкающе-золотым пятном на серо-черном камне. Другие слушали его песню, привалившись спиной к стене или к перилам моста, глядя вдаль невидящим взглядом или прикрыв глаза. Странное дело, слова песни незнакомые – а может, их вовсе нет, этих слов, да только и без них совершенно ясно, что дракон поёт о просторе и времени, о лесах и о море, о бесконечной свободе среди лесов, моря и времени. И его песню понимал каждый гном, и у каждого гнома от неё щемило в груди, хотя никто из них никогда не видел моря, а большинство и леса то не видели. Но каждый, кто смотрел на Илидора, приставив руку ко лбу, кто слушал его, остановившись посреди улицы или в открытых дверях харчевен, или у рыночного прилавка – каждый понимал, какое это упоение: быть свободным и полным сил, лететь туда, куда пожелает твоя душа, или куда позовет тебя шальная звезда, которая есть у всякого золотого дракона. Каждый гном в этот миг знал, как трепещет в груди восторг полёта, как наполняются ветром крылья, как солнце гладит чешуйки, как восхитительно пахнет утренний лес, свежий от росы и западного ветра.

Город гномов, замерев от переполняющих его чувств, слушал дракона.

Немногочисленные люди, временно обитавшие в Гимбле, тоже внимали его песне, с особым вниманием и трепетом – в Храмовом квартале, а наиболее впечатлительные, включая жрицу Фодель, растроганно всхлипывали.

Некоторые гномы поначалу не сочли нужным отвлекаться от своих важных занятий, чтобы выйти на улицу и послушать, но даже за стенами своих домов или мастерских они почувствовали, как воздух наполняется непривычным воодушевлением: оно проникало сквозь щели в кладке зданий и оконные проемы, заползало под двери и отзывалось в самом камне. И некоторые гномы, влекомые душевным подъемом, отпирали свои двери и тоже выходили послушать дракона, а другие не выходили, сердились на этот неуместный задор, ворчали и делались только сварливой.

Да, были в городе гномов те, кому песня пришлась не по нраву, да и весь Илидор пришелся не по нраву – такие гномы сердито захлопнули двери своих домов или забились в залы харчевен, ворча себе под нос про «змееглазых гадов», но не смея повыситься голос, ведь со змееглазым гадом заключил уговор сам король.

И еще в городе были механисты – они с удовольствием сбросили бы дракона пинком с этой отвесной скалы вместе с его песней, если б только это было угодно Югрунну Слышателю, но королю, к их большому сожалению, ничего такого угодно не было, потому механистам и их машинам приходилось терпеть невиданную наглость: дракона, висящего над городом и распевającego во всю глотку. Глава гильдии Фрюг Шестерня несколько дней безуспешно добивался аудиенции у короля, чтобы напомнить ему об ужасной драконьей сущности и вытекающих из нее жутких вещах, но, видимо, король решил, что не нуждается в каких бы то ни было напоминаниях, потому как встречаться с главой гильдии не пожелал.

А еще в городе были те, кто сбросил бы дракона со скалы дважды, а потом то, что осталось, отволоч за хвост обратно в Донкернас. В эльфском посольстве царил подлинный кавардак с переполохом, сдобренный регулярными припадками ярости, никто не мог понять, как теперь надлежит действовать, и кто в Гимбле сошел с ума больше других. Ведь разве возможно

поверить в здравый рассудок дракона и гномов, которые в прямом смысле слова спелись друг с другом прямо под носом у эльфов? Исключено, немыслимо, невозможно! Только отчего-то эта невозможность висит на скале в своем змейском облике и горланит восторженную песню.

Последние слова пронесли по улицам, ероша мурашками кожу слушателей, и замерли вдали, распластались по камням, и еще какое-то время никто не мог ни пошевелиться, ни громко вдохнуть – все ловили отголоски отзвучавшего волшебства. В обнявшем город молчании дракон с тихим шорохом развернул одно золотое крыло, потом второе, блеснул чешуйками, легко оттолкнулся лапами от скалы и полетел в сторону Дворцового квартала.

Со стен и сторожевых башен его провожали тяжелые взгляды механистов и гневно горящие красным глаза машин.

3.1

двадцать третий день сезона свистящих гейзеров

– А что хробоидов бояться нечего – это тебе любой грядовой воитель скажет, нужно только держать свою жопу подальше от хробоидовой пасти, – приговаривал Кьярум, вразвалку шагая по обочине широченной бывшей дороги, мимо огромных плит, когда-то вывороченных, а потом занесенных пылью, так и торчащих теперь на пути. Убрать их не было никакой возможности, да никто и не пытался, просто немногочисленные путники теперь ходили не по дороге, а по краю.

Для чего ее использовали в прежние времена? Имела ли она какое-то значение во время войны? Содрогались ли эти своды от грохота битв, ощущали они отголоски магии, слышали топот ног гномов и машин, хлопанье драконьих крыльев, воинственные кличи, стоны раненых и умирающих от яда, заживо сгорающих, погрузившихся в кошмарный бред наяву?.. Разве что векописцы могли ответить на этот вопрос. Кьярум знал лишь то, что никаких особенно значимых дел здесь не вершилось, ни в войну, ни после нее, а еще – что по этой дороге можно добраться в Предгорья Медленной Лавы, к небольшой базе грядовых воителей, а если вдруг их там не окажется – от Предгорий должен быть путь к Гроту Нетопырей, к базе покрупнее. Сам Кьярум дальше Предгорий на север не ходил, но отлично помнил направления, которые ему когда-то описывали.

Как не помнить направления, если последние два года только тем и занимался, что ожидал, когда тебя позовут к новым свершениям, и представлял, как пройдешь по знакомым и незнакомым еще местам подземий, ведомый страстью вершить великие дела, величайшие дела! Очистить подземья от гадости и всякой гнуса, отбить кусочек, еще кусочек бывших гномских владений у пустоты, забвения и подземных тварей, чтобы а-рао даже не смотрели в эту сторону, чтобы пауки не смели плести тут свои сети, чтобы летучие мыши разлетались подальше с писком ужаса, чтобы лава не торила сюда дорогу. Чтобы каждая подземная тварюшка знала: здесь места обитания гномов, когда-нибудь они вернуться сюда, великие, гордые и могучие!

И зачем он столько времени просто сидел и ожидал, когда же кто-нибудь придет? Отчего он сам не пошел навстречу свершениям, когда это так просто, ведь только и требуется, что встать и начать переставлять ноги! Левая, правая, левая, правая, и торба с припасами болтается на бедре, и верный спутник Гилли Обжора тащит еще больше припасов и, открыв рот, слушает твои истории и грядовые байки, и ты еще помнишь, оказывается, где можно найти воду, а где разжиться яйцами из кладки прыгунов и...

– Как же не бояться хробоидов? – приговаривал Гилли. – Они, говорят, огромные до ужасания и в любой миг могут выскочить на тебя из-под земли!

За дни, проведенные в пути, в подземных глубинах, Обжора показал себя надежным товарищем, бесстрашным воином, выносливым ходоком и в целом годным для совместных предприятий гномом. Жрал, конечно, многовато – как с сожалением отмечал сам Гилли, «к буйству лавы я готов, а смириться с пустым пузом что-то никак не получается». Зато два дня назад он смело бросился в бой с целым семейством прыгунов, на которое из-за собственной беспечности вывел их Кьярум – он даже не предполагал, как сильно разрослись места обитания глубоких тварей за те два года, что он просидел к Гимбле. Спрашивается, куда смотрят грядовые воители? Неужто они покинули эти места? Или... совсем пропали?

Пеплоед старался не думать об этом и о том, что будет делать, если не найдет грядовых воителей ни в одном из известных ему мест. Пытаться сделать что-то в подземьях в одиночку – ничуть не менее дурацкая затея, чем развести руками и вернуться в Гимбл, пояснив спутнику: «Ну, не получилось».

Словом, в тот день им с Гилли пришлось принять неожиданный бой с прыгунами, и Обжора отважно бился с добрым десятком тварей, самая мелкая из которых была ростом ему почти по пояс, и его меч мелькал, как шальной, отрубая приплюснутые головы с длинными глазами-щелями, рассекая до кости длинные змееподобные шеи, оставляя раны на серо-розовых спинах и боках, и боевые вопли Гилли гремели, как большой колокол, отдавались от стен, металась в вышине, сгоняли с места спавших там летучих мышей. И Гилли совсем не ныл, когда от укусов прыгунов у него посинела и раздулась рука, лишь посетовал, что теперь не так удобно будет держать ложку и клинок, пока опухоль спадет. Яд прыгунов слишком слаб для гнома, хотя, конечно, такие большие кусачие семейства нешуточно опасны, и Гилли повезло, что его цапнули всего три раза, а не десять. Даже один прыгун, говоря по правде, мог доставить немало неприятностей, если бы ему удалось впиться в горло, шею или затылок. Знавал Кьярум грядовых воителей, прошедших через стычки с молодыми хробоидами и гигантскими ядовитыми пауками, а потом павших жертвой парочки удачливых прыгунов или стрекучей лозы – растения, что жило у лавовых рек и озер в местах былых сражений. Растения обвивали свою жертву тугими неразрывными жгутиками, как веревками, и утаскивали в нагретую лавой почву. Там беспомощное тело быстро запекалось – запекалось, но не обугливалось – а стрекучая лоза потом долго питалась продуктами его разложения.

Эх, если бы Кьярум был уверен, что ему предстоит помереть в подземьях! Ведь какой еще смерти может желать воин из рода воинов, вооруженный молотом по имени Жало, закаленным в крови сраных драконов, снесшим бесчисленное множество голов лазутчикам а-рао, расплющившим несчетное число голов молодым хробоидам, прыгунам и бродягам-безмуцам, которых в подземьях Такарона водится куда больше, чем некоторым может показаться? Если бы можно было загадать, какой смертью умирать в подземьях – конечно, как всякий уважающий себя гном-воин, Кьярум бы немедленно ответил, что мечтает погибнуть в сражении с достойным противником: с настоящим а-рао, а не жалким лазутчиком, чем бы на самом деле ни оказались эти настоящие а-рао – они, во всяком случае, точно гномы или, по крайней мере, были ими не так давно. Не существовало более желанной смерти для Кьярума Пеплоеда, воина, никогда не возвращавшегося со своей войны. Но если судьба будет недостаточно благосклонна, чтобы позволить пасть доблестной смертью, сказал бы Кьярум, то, пожалуй, он выбрал бы свалиться в озеро лавы или, на худой конец, быть убитым хробоидом, потому что...

– Хробоиды убивают быстро, – пояснил он Обжоре, – если ты не сумел увернуться, то даже обосраться не успеешь, как р-раз! – и нет у тебя головы! Куда паршивей медленнодохнуть от укуса прыгуна в затылок, а еще хуже – печься в земле у лавового озера. Тогда за тобой точно придет Брокк Душеед, а вовсе не Йебе Светлая. Кроме того...

Они вышли к развилке. Влево, на северо-запад, вел тоннель широкий, темный и злоеущий, вправо, на северо-восток – светлый от мерцающих на стенах грибов, но тоже злоеущий, там-сям укрытый лохмами паутины. Прямо продолжалась разбитая дорога, но Кьярум, мор-

щась, оглядывал тоннель с паутиными зарослями. Поскольку куда деваться, двигаться нужно туда, вправо. Хотелось надеяться, что паутина старая – но это даже наметанным глазом не всегда можно понять.

– Кроме того, хробоиды не всегда ползают там, под нами, – продолжал он, шагая по покрытому паутиной тоннелю. – На самом деле, как говорят грядовые воители, хробоиды живут еще ниже, ниже, в самой пропасти, куда никогда не ступала нога гнома. И там, этой пропасти, есть целый мир с хробоидами и разными другими невиданными тварями, там живут растения, которых мы представить себе не можем, и вода там чернее тьмы, потому что никто там не пьет воду. Вот там они и живут. И жрут тоже там. А где еще-то? Говорят, взрослые хробоиды огромные, как эти тоннели, что им жрать в Такароне? А вот там, внизу, у них выкопаны целые гигантские норы, лазы, переходы, и хробоиды там так и кишат... А под Такароном они только иногда оказываются, если сворачивают не туда в своих гигантских норах, и попадают выше, чем им надо.

– Да не может такого бывать, – отмахнулся Гилли. – Сочиняешь ты, вот что!

– Вломлю! – пообещал Кьярум и отер усы.

Гилли не стал нарываться и, тихо сопя, молча следовал за своим спутником по тоннелю, стены которого были затянуты многими слоями липкой серой паутины.

* * *

Глава гильдии механистов Фрюг Шестерня сидел один в высоченном и гулком мастерском зале, пропитанном запахами кож, металлов и кисло-жженных протравок. Сидел, скрестив ноги, у низкой лавки, обложившись шилами, суровыми нитками, кусками угольков и мелков, ошметками воска и мыла, обрезками тканей и кож. Перед ним лежал нарукавник – судя по отметкам, Фрюг собирался сделать в нем новые дырки для затяжек, чтобы шнуровка получилась плотнее.

Старший наставник механистов Годомар Рукатый замер в трех шагах, сочтя, что в это трудное время лучше будет не подавать голоса первым, даже если глава гильдии сам вызвал тебя на разговор. Замер и ждал, чуть склонив большую голову, и кончик русо-рыжего хвоста щекотал Годомару щеку. Он неосознанно подобрался и чуть ссутулился, втянув голову в плечи. Вчера был день дозаправки змей-сороконог, закончившийся, по обыкновению, несколькими разбитыми лаволампами, несколькими ожогами и жменей укороченных змеиных хвостов, которые так яростно стегали механистов, что пришлось откусить от них несколько сегментов. Такой день в сочетании с новостями всех последних дней означает, что сегодня Фрюг Шестерня сильно не в духе, и от него всякого можно ожидать.

Выглядел он как обычно, то есть до крайности свирепо и непреклонно: воинственными прибойными волнами разлетались к щекам седые усы, бакенбарды топорщились под висками, переходя в недлинную, но исключительно густую седую бороду, извечно немного опаленную в нижней части, доходившей до груди. В клубистой, как грозное облако, бороде виднелась мясистая нижняя губа, чуть оттопыренная. Над усами нависал хищный короткий нос, бешено блестели карие глаза под бровями, которые взлетали надо лбом подобно совиным «ушам». Буйные седые волосы стянуты по гномьему обыкновению в хвост, но низкий, у самой шеи. Татуировки-шестерни на висках наполовину теряются под волосами, высокий крутой лоб взрезан двумя сосредоточенными складками между бровей и парой изогнутых шрамов, которые оставили старому механисту особо неуправляемые машины. Фрюг не признавал ни очков, ни шлемов, а из всех элементов защитных костюмов носил только нарукавники и фартук из плотной коричневой кожи с двумя карманами по бокам и крупными заклепками.

Шестерня никак не показал, что увидел Годомара, и молчал еще довольно долго, пока, наконец, вдоволь наразмышлявшись, взял нарукавник и шило.

– Король Югрунн Слышатель пожелал заключить договор с золотым др-раконом, – проговорил он тогда, по своему обыкновению длинно прокатывая под языком «р-р», точно придавая ему побольше скорости.

По тону его ничего нельзя было понять так же, как по виду: сплошь вескость и сдержанность слов – только так и можно вести речь о короле.

– Об этом говорят в Гимбле, – подтвердил Годомар.

Фрюг уложил нарукавник на мягкие тряпицы и принялся вертеть первую дырку в месте, отмеченном мелком.

– Король возложил большую надежду и ответственность на дракона и гномов, которых посчитал пр-равильным дать ему в спутники, – очень медленно, точно отмеряя на весах каждую фразу, добавил он, и «р-р» в сказанных им словах стало прокатываться еще звонче. – И, если др-ракон сумеет найти утер-рянного бегуна, пр-ридет наш черед проявить ответственность и оправдать ожидания короля, восстанавливая эту машину и создавая др-ругие, подобные ей.

Годомар заверил, что к этому случаю всё будет готово в самом лучшем виде: и мастерские, и материалы, и механисты, что он привлечет ремесленные гильдии, если это потребуется, и снарядит торговцев для покупки необходимых материалов у наружников, если возникнет такая нужда. Годомару было неловко стоять перед Фрюгом, сидящим на полу и лишь изредка поднимающим на него свой свирепый взгляд – словно примеривается, к чему бы лучше пришить своего помощника. Но сесть на лавку в присутствии главы гильдии при официальной беседе с ним и без его разрешения Годомар бы не осмелился даже спяну – он совсем не хотел, чтобы его действительно к чему-нибудь пришили. Именно это произошло восемь лет назад с его предшественником.

– И так же мы должны быть готовыми к тому, что дракон подведет короля Югрунна, окажется недостойным великого довер-рия, которое король пожелал ему выразить! – Фрюг начал было произносить слова быстрее, но тут же взял себя в руки и медленно вытащил шило из нарукавника. – Тогда будет полезно, если Югрунн Слышатель окажется настолько силён, насколько это возможно, чтобы вынудить золотого др-ракона действовать по своему усмотрению... или обуздать его в открытом противостоянии.

Годомар ожидал чего-то подобного, но всё равно пошатнулся.

– И тогда у нас не будет достаточно вр-ремени, чтобы определить его действие и найти ему пр-ротиводействие. Ты понимаешь меня?

– Понимаю.

Годомар старался, чтобы его голос звучал уверенно, но на деле-то отлично сознавал: у него есть абсолютно все шансы не справиться с этим поручением и быть пришитым к какому-нибудь дракону гобелену в качестве тренировочной куклы для машин-стрелунов. Потому что каким, в кочергу, способом он может узнать о магических способностях золотого дракона? Ведь даже нельзя сказать, что эти существа прежде считались легендарными или сказочными – о них вообще ничего не было известно, как, к примеру, о восьмируких рогатых котках размером со сторожевую башню!

– А раз понимаешь, так иди тогда, чего встал? – буркнул Фрюг нормальным своим тоном и взялся за шило. – Время теряешь. Свет загораживаешь...

3.2

ближние подземья Такарона, двадцать шестой день сезона свистящих гейзеров

Пока в Гимбле шла подготовка к экспедиции, умнейшие головы всё спорили: где должен сосредоточить поиски отряд? Дракон, изрядно тогда удивив всех, в обсуждениях не участвовал – сразу отрезал, что понятия не имеет, «где ваши предки продолжали эту машину», потому для него все три возможных направления равнозначны. И каждый понимал слова, которых дракон не добавлял: «Но как только я узнаю об этом больше – тут же сменю направление, которое вы сейчас укажете, потому прекращайте тратить время на болтовню и отпустите меня обратно в эти восхитительно омерзительные подземья!»

Короткий период абсолютной свободы Илидор использовал, чтобы впитать в себя город, познакомиться с ним уже без всякой утайки собственной сущности. Утра он проводил в Храмовом квартале, слушая пение жриц, днем несколько раз приходил в архивы и вместе с Иган сидел над старыми записями, прилежно и быстро изучая гномскую письменность, историю, легендарную. Приходилось многое узнавать о машинах, об омерзительных, пугающих, оцепеняющих машинах, которых делали в других городах и применяли во время войны. Дракону была необходима эта информация, и он, сцепив зубы, врубался в толщу знаний, слушал Иган, спрашивал, уточнял, запоминал.

– Отец Такарон не дал всем механистам одинаковых талантов, – рассказывала векопищица, – либо это невозможно по каким-то причинам, либо он хотел, чтобы у нас была прочная почва для сотрудничества.

Илидор тогда сдержался, не зарычал и даже не скорчил гримасу, только глаза его поблекли. Будь сотрудничество гномов менее прочным, драконы одолели бы их города один за другим, а вот прочно сотрудничающие гномы, как известно, одолели драконов. Принять мысль, что сам отец Такарон вложил в их руки задел для этого? Нет уж. Скорее, он нарочно дал именно что разные способности гномам, живущим далеко друг от друга, не имея в виду, что они должны объединять усилия. Даже в те далекие времена, когда подземья были прямыми и безопасными, а бегом передвигались все гномы, не только торговцы, выходящие в надземный мир, от одного города до другого едва ли можно было добраться быстрее чем за пять-семь дней. Если налегке.

Впрочем, не так это и много, люди и эльфы прекрасно договариваются друг с другом, преодолевая куда более серьезные расстояния. Интересно, была ли в те годы у гномов летающая почта?

– Гимблские механисты всегда славились боевыми машинами, а позднее стали делать еще сторожевые, однако боевые машины у наших мастеров по-прежнему получаются лучше, – рассказывала Иган, а дракон старательно не рычал. – Мастера из А-Рао были большими выдумщиками, им удавалось изменять и улучшать машины, созданные другими, но доподлинно не известно ни про один случай, когда они бы создали что-то принципиально новое. В Масдулаге велись разработки больших транспортных бегунов. Мастера Масдулага очень хорошо делали крупные машины, и они много всего выдумывали для перемещений. У них даже были путешествующие поселения, представляешь? Экспериментальные дома-машины, которые умели оказываться то там, то сям, прихватывая с собой целые, как же это сказать, части пространства! Никто не знает, как масдулагские мастера это делали, механисты Гимблы говорили, что для этого нужно начать думать как-то совсем по особенному... И вот, в Масдулаге решили, что

путешествующие машины-дома – это очень хорошо, но слишком неповоротливо, их нельзя сделать для каждого гнома, потому решили создать бегунов для перемещений между городами. Однако разработки не были завершены из-за войны, а единственную действующую модель, компактную, создал как раз механист из Гимбла, руководивший машинными войсками где-то там, в глубинных подземьях. Мы точно знаем, что бегун был, потому что до нас дошли обрывки записей механиста, однако основная часть утеряна и...

Илидор увлечённо и жадно впитывал знания, но неизменно покидал архив всякий раз, когда там намечалось очередное собрание умных голов.

Еще он много времени проводил в квартале Мастеров, где вместе с Конхардом носился по цехам. Тут он был бодр и весел, сверкал глазами, хохотал, напевал и едва не плясал среди станков – всей душой Илидор полюбил жаркую, звонкую, суровую атмосферу цехов мастерского квартала и с радостью остался бы там пожить на какое-то время. Дракон живо интересовался способами изготовления знаменитых гномских топоров, булав, молотов и того оружия, которое делалось на продажу для жителей надземья: мечей, кинжалов, и небольших топориков, а еще – щитов, которыми гномы не пользовались, потому как что за прок от щита против гномского молота. Илидора в мастерских принимали радушно, поскольку он не только обожал царящий в них жар, но и великолепно разбирался в металле – даже подсказал, как можно улучшить кое-какие сплавы. А еще при нем как-то легче спорилась работа: дракон заражал всех вокруг своей энергичностью, неумным любопытством и бодрими мотивами, которые то и дело начинал мурчать себе под нос. По вечерам он или помогал Нелле, или висел на какой-нибудь отвесной стене над городом и пел. И с каждым разом в его пении звучало всё больше нетерпения: Илидор полюбил Гимбл, но еще больше он любил неизвестность, ожидающую его в подземье, и кости угольных драконов, которые рано или поздно там отыщутся и расскажут ему о самом важном. Потому каждый день ожидания жёг Илидору пятки, до того хотелось наконец-то вернуться из безопасного дружелюбного города в непредсказуемые голодные подземья, где он успел побывать только один раз, когда для демонстрации своих умений вывел разведывательный отряд на залежи олова.

И вот наконец свершилось: он ведёт отряд туда, в омерзительные подземья, и в груди его всё трепещет от восторга.

Уж казалось, кому, как не гномам знать, куда какая тропа ведет, а только все, прежде бывавшие в подземьях, считали, что вот этот путь по широкой дуге огибает с востока Гейзерные Ступени и выводит к заброшенной медной выработке, где теперь наплодились полчища прыгунов и летучих мышей, потому у нормального гнома не может быть никаких причин туда ходить. Однако, когда они добрались до начала дугового изгиба, Илидор вдруг развернулся к груде камней у стены и с совершенно невозмутимым выражением лица принялся на нее карабкаться.

Он как будто не услышал ворчанья и причитаний за своей спиной, а может, и правда не услышал – просто взобрался по камням, ловкий и легкий, как ящерица, и пропал из виду на уступе, который там, оказывается, был.

– Да подожди нас, змеиная твоя рожа! – заорал кто-то из Йоринговых гномов, а Иган Колотушка на это вздрогнула, словно вдруг пробудившись от глубокого сна, и, не зная, как выразить неодобрение, покачала туда-сюда свою драгоценную рукоять от молота предков.

На уступе показался Илидор. Он улыбался, сверкал глазами и никуда не уходил.

Без всяких проявлений нетерпения дракон ждал, пока гномы преодолеют подъем, и даже не смотрел на них, даже не следил, как они, неловкие в своих кожаных доспехах, обремененные котомками, тяжелыми молотами и топорами, коротконогие и короткорукие, лезут вверх по камням, которые дракон только что преодолел, как небольшую удобнейшую лесенку. Нет, он не смотрел на гномов, он вертел головой, глубоко вдыхал сырой воздух с запахом каменной крошки и безостановочно наговаривался.

Разглядывал свисающие с потолка наплывы желтовато-зеленого цвета.

– Тут раньше текла лава! Вы знаете, что там, внутри, она по-прежнему жидкая? – спрашивал он и не ожидал ответа.

Рассматривал, куда уходит дорога, с которой он только что так уверенно свернул.

– Тут раньше возили тележки и носили много инструментов, да? Камень помнит.

С веселым недоумением изучал ковры светящихся грибов на стенах:

– Получается, чем-то вы заслужили немного заботы Такарона. Наверное, горы решили, что а-рао еще хуже. Ведь у вас не было света в подземьях, когда здесь жили драконы, правда?

Наконец отдувающиеся, вспотевшие гномы вскарабкались на уступ. Последней поднималась Иган, подсаживаемая Йорингом, который и сам-то, говоря по правде, не сползал вниз только из чистой вредности. Иган, порядком уставшая уже даже от простой ходьбы, совершенно не была приспособлена для ползания по камням в полутемных подземьях, ее ноги в башмаках с толстыми подошвами всё время срывались с выступов, на которые она пыталась опереться, пальцы скользили по каменным бокам, не находя опоры, рукоять фамильного молота тянула вниз. Гномка едва не плакала от собственной бестолковости и отчаянно жалела, что вообще высунула нос дальше Ученого квартала. С чего она взяла, что подземья – для такой как она?

Илидор присел, протянул Иган руку, она уцепилась за неё с облегченным вздохом-всхлипом. Кто-то из стоящих на уступке гномов вскрикнул, представив, как дракон сейчас сверзится вниз кувыркком, потащив за собою Иган, схватил дракона за крыло плаща, а крыло плотно и упруго обхватило ладонь опешившего гнома. Илидор тащил гномку наверх с видимым усилием и, вполне вероятно, действительно бы свалился, если б его самого не держали.

Наконец Иган легла на уступ животом, миг-другой лежала так, переводя дух и стыдясь поднять взгляд, потом выпустила руку дракона, закинула на уступ ногу, встала на четвереньки. Она очень старалась не думать, какой ущерб нанесло престижу векописцев это бесславное карабканье, и не разреветься. Краем глаза увидела, как рядом Илидор поднялся на ноги, услышала, как с другой стороны пыхтит вскарабкавшийся на уступ Йоринг.

Потом оба одновременно протянули ей руки. Иган выпрямилась, отряхнула ладони о порядком истрепанную уже мантию и с королевским видом приняла обе протянутые руки, со всей возможной грацией поднялась на ноги и задрала нос.

– Теперь сюда, – невозмутимо заявил Илидор и показал на проем в скалах, затянутый плотными слоями паутины.

Проем Иган расчистила рукоятью фамильного молота, никого другого не подпустив и близко, и вид у нее был важный и торжественный, как у жрицы солнца, провожающей помощника Храма в опасный поход.

Так подумал Йоринг, и, конечно же, стоило хоть мыслями коснуться солнечного Храма, как немедленно ожил его верный последователь:

– Что еще удумала эта змейская рожа? – пробухтел Эблон Пылюга.

Эблон был одним из немногих гномов, которые прониклись людскими верованиями, хотя одна ржавая кочерга знает, как им удалось поверить в частицу солнца внутри себя, если солнце никогда не светило ни на них, ни на их предков. Пылюга уже два года состоял в числе прихожан, почти с самого появления Храма в Гимбле, и за плечами этого гнома было немало славных вылазок в глубины подземья, немало убитых прыгунов и даже один молодой хробоид. Сам Эблон уверял, будто во время самого долгого и дальнего своего похода он прибил к небольшой группе грядовых воителей и вместе с ними одолел в сражении нескольких а-рао, но все в Гимбле считали это пустым трепом. Ведь Пылюга не принес даже кусочка трофея в доказательство своего успеха и даже не дал толкового описания этих самых а-рао, хотя многие им интересовались, и Эблону даже приглашали к векописцам, чтобы он дал необходимые пояснения.

Никто в Гимбле точно не знал, что сейчас представляют из себя а-рао, потомки гномов одного из дальних утерянных владений. Немногочисленные гномы, которым случалось биться вместе с грядовыми воителями, а потом вернуться назад, говорили: а-рао потеряли всякое сходство с гимблскими гномами и превратились в самых странных тварей подземий. Но как именно они выглядят и что именно делают – понять было невозможно, поскольку каждый воитель говорил разное, и оседлые гномы сильно подозревали, что никаких а-рао эти воители никогда не встречали.

Вражеские лазутчики, которых то и дело ловили на подступах к Гимблу, выглядели как обыкновенные гномы, только очень грязные и тощие, речь их звучала непривычно, скупое и чуждо, но с горем пополам из слов пленников удавалось заключить: их сородичи, которые копят силы в глубине подземий, выглядят иначе. Многие в Гимбле в это не верили – с чего бы вдруг гномам перестать выглядеть гномами? – и говорили, что а-рао сейчас точно такие же, какими были до войны с драконами, вот разве что измельчали, питаясь летучими мышами, прыгунами и мукой из дикорастущих кустов-ползунов. Другие уверяли: именно оттого, что а-рао все эти годы жрали прыгунов и летучих мышей, они сами сделались похожими на них и забыли, что исходят из одного корня с приличными гномами. Третьи утверждали, будто еще во времена жизни в потерянных нынче городах а-рао совокуплялись с драконами, отчего обросли чешуёй, которую даже топор не берет, и хвостами, которыми бьют противников, словно хлыстами.

Словом, поскольку Эблон Пылюга, уверявший, будто видел настоящего а-рао и даже сражался с ним, тоже не смог ясно объяснить, на что же этот а-рао был похож, никто Эблону и не поверил. Однако нельзя было сбрасывать со счетов другие его успехи в подземьях, как и знание многих троп, потому Эблон, несмотря на свою брюзгливость, считался одним из ценнейших воинов в группе.

Но есть вещи, которых допускать нельзя, и одна из таких вещей – недоверие к мудрости короля Югрунна. Потому к ворчанию Эблона в адрес дракона гномы прислушивались очень-очень внимательно, чтобы не упустить того мига, когда этот брюзга перейдет черту и заявит, что не доверяет дракону. Ведь дракон дал королю Слово, а король его принял, потому не доверять дракону – значит, сомневаться в мудрости Югрунна Слышателя и считать, будто знаешь и *слышишь* больше, чем потомок самого короля Ёрта. И за такие слова, понятное дело, сразу прилетит молотом по башке, хотя бы эта башка и сидела на плечах ценного воина Эблона Пылюги, убившего десяток прыгунов и даже молодого хробоида. Сам Эблон прекрасно это знал, потому выбирал слова очень осторожно, однако молчать тоже не желал.

– В какую драконью задницу он ведет нас по этой кишке? – бухтел Пылюга. – Какая нужда ходить здесь, ведь здесь не может быть того, что мы ищем! И в этом случае, хочу я спросить, ищем ли мы одно и то же?

Илидор тоже наверняка слышал Эблона, но занудный гном был слишком мелок для того, чтобы испортить извечно светлое настроение золотого дракона. Он с величайшим любопытством разглядывал узкий ход, по которому они шли – к счастью, недостаточно узкий, чтобы дракону приходилось пригибать голову или двигаться боком. Однако в проходе было темно, некоторые гномы достали лаволампы, и теперь их желтовато-зеленый свет плясал на изрытых временем стенах из земли, глины и камней, на следах когда-то иссохших и впечатавшихся в пол кустов-ползунов, выхватывал толстые черные брюшка разбегающихся пауков – некоторые были с полпальца размером, и что они тут жрут, хотелось бы знать? Несколько раз встретились отвилки, некоторые были шире прохода, по которому вёл их Илидор, но на эти отвилки дракон даже не взглянул.

Шли они долго, Иган несколько раз споткнулась от усталости и не упала только потому, что Йоринг ее поддержал, Эблон умаялся бубнить и умолк ко всеобщему облегчению. Переход всё не кончался, и некоторые воины молча утверждались в мысли, что дракон сам не знает, куда

их тащит, потому как если бы знал – они бы уже давно пришли, но все помалкивали: никто не хотел давать повод подумать, будто он подвергает сомнению мудрость короля Югрунна, или, неизвестно еще, что хуже, дать Эблону повод снова завести свою унылую песню.

А потом коридор наконец закончился, вынырнул из стены прямо в начале Узла Воспоминаний. Дракон первым спрыгнул вниз и пропал из виду, остальные представили себе спуск, который будет ничем не проще давешнего подъема на уступ, и возжелали было обругать дракона хотя бы мысленно, но подошли ближе и увидели, что выход находится совсем невысоко над землей, а Илидор просто откатился в сторону. Теперь он стоял на груде каменных обломков и горящими глазами разглядывал простирающийся перед ним Узел Воспоминаний – когда-то перевалочную базу гномов Гимбла на пути к дальним городам. Во время войны она стала одним из мест, где можно было получить самую простую лечебную помощь, отоспаться на спешно собранных из чего попало кроватях, услышать последние вести да выпить крепкого спиртного, которое солдаты гнали кочерга знает из чего.

– Вот и зачем мы тут? – завелся Эблон. – Дурное место, странное, полное призраков и печали, никто сюда не ходит...

– Зря-я! – с чувством протянул Илидор и пошел вперед, едва глядя под ноги и невесть как умудряясь не оступаться на обломках камней, вывороченных фундаментных плит и кусках металла.

За драконом следовали Йоринг, Эблон и неугомонная Иган, которая, бормоча, перебирала свои карты и тоже почти не смотрела под ноги. Остальные гномы тоже подходили, но медленно, с опаской. Кто знает, что может встретиться в развалинах Узла Воспоминаний, а уж про то, что здесь водятся призраки, знали даже детишки. Искоса глянув на Иган и на Эблону, поглощенного осмотром руин, Йоринг ускорил шаг, нагнал Илидора.

– Ты ловко вывел нас сюда.

Дракон улыбнулся и пожал плечами: о чем, дескать, говорить!

– Обычной дорогой мы бы добирались до Узла Воспоминаний полтора или два дня. Откуда ты знал, что в стене проход?

Илидор развёл руками.

– Нет, ты скажи, – настаивал страж. – Ты видишь дороги? Слышишь их? А что еще ты можешь так услышать? К примеру, сокровищницу?

– Откуда ты знаешь, куда идти в собственном доме, чтобы попасть туда, куда нужно? – ответил Илидор на все вопросы сразу. – Ты просто знаешь.

– Это уже давно не твой дом! – влез неслышно догнавший их Эблон Пылюга.

– Мой, – лучезарно улыбнулся дракон и легко взбежал по покосившимся каменным ступеням.

Тут он остановился в начале ровной площадки, ведущей к развалинам харчевни, задрал голову к каменному своду и с восторгом принялся его рассматривать. Свод тут нависал довольно низко, хорошо видны были длинные и тонкие окаменелые наросты, серые с красным – как будто когда-то здесь кипели битвы, от которых плакал сам камень. Илидор зачарованно смотрел вверх, приоткрыв рот, переступая с ноги на ногу, чуть кружась, руки его были напряжены и, как крылья, откинута назад и чуть в стороны, и крылья плаща трепетали, хотя тут не было ветра. Воздух пах солью и каменной крошкой.

Гномы остановились поодаль, глядя на дракона с подозрением.

– Если ты знаешь, куда идти, почему ты просто не идешь туда, где бегун? – бубнил Эблон.

– Я не знаю, где бегун, – рассеянно отозвался Илидор и продолжал медленно кружиться под застывшими слезами гор, трепеща крыльями плаща.

Йоринг пнул Эблона по лодыжке: дескать, уймись ты, наконец! – но Эблон униматься отказался:

– Тогда какой кочерги мы здесь делаем?! – повысил голос он. – Хватит строить из себя важное лицо, скажи нормально, куда ты нас тащишь!

Остальные гномы, держащиеся поодаль, одобрительно заворчали, но Илидор обернулся к ним, сверкнув золотыми глазами в легком раздражении, и ворчание тут же смолкло. Оказывается, за это короткое время гномы успели привыкнуть к мысли, что их ведет по подземью дракон, и успели привыкнуть к нему, к Илидору, улыбающемуся, напевающему и бодрому... безопасному. А мгновенно сжавшийся в пружину и сверкающий глазами Илидор выглядел пренеприятнейше, да вдобавок гномы, хотя и не так хорошо понимающие голос Такарона, почувствовали, как отозвался камень на слова Илидора. Неизвестно еще, что страшнее – горящезлазный дракон, который (как это они забыли!) может в любой миг сменить ипостась и... что делают золотые драконы? Жгут огнем? Слепляют? Бьют лапами, не мудрствуя особо? Так вот, непонятно еще, что страшнее: этот дракон или камень, отзывающийся на его слова, камень, окружающий гномов со всех сторон, в этот миг и на протяжении всей жизни, и когда он вот так неслышно соглашается с драконом, то... Кто знает, быть может, сама основа мироздания сейчас разойдется под ногами или скалы рухнут вниз, или стены сожмутся каменным мешком?

– Я знаю, где могут быть призраки, я иду к призракам! Это же так просто: есть места, где может быть потерян бегун, а есть места, в которые стекались новости и слухи! Очень глупо не пользоваться ими, если нам по пути! Кто, кроме призраков, может *точно знать*, куда вы пролюбили свою машину, и кто может упомянуть об этом в своих разговорах – прыгуны? хробойды? кусты-ползуны?

Развернувшись на носках, словно в танцевальном па, Илидор направился к развалинам харчевни, где уже появились за столом два призрачных гнома, молодой и старый.

– А раз мы нанялись таскать с поверхности камень для нового фонтана в Ардинге! – вещал молодой, размахивая огромной полупрозрачной кружкой. – Тяжко было – страх, зато и заработали знатно, я аж присматривал машину-землеройку для папашиной фермы!

– И чего? – лениво спрашивал второй призрак, немолодой бородач, выскребающий кусочки мяса из шкурки прыгуна.

– Дык известно чего! Война! Пришли эти змееглазые твари, наслали ночных кошмаров, да таких, что ух! Не то сны, не то жарный бред, про всяких извивучих тварей, про огонь вокруг, и еще всё время кажется, будто падаешь в огромную раскаленную пасть, и не можешь с себя скинуть эту муть, бр-р! Как вспомню – так вздрогну, до сих пор то и дело в жар как бросит и аж трясоти начинается, и оглядываюсь, нет ли вокруг змейских глаз, не падаю ли в раскаленную пасть!

Эблон и Йоринг тоже подошли ближе, но не слишком уж близко, остановились шагах в пяти позади Илидора.

– Призраков мы и сами могли послушать, – вредно пробурчал Эблон.

– Так почему не слушали? – сверкнул зубами дракон.

– Ты чего, ку-ку? – Эблон покрутил пальцем у виска. – Жутко потому что! Это ж призраки!

Тут Йоринг возразил в том смысле, что ничего приятного в призраках, конечно, нет, но мертвые безвредны, и что прихожанин Храма, ходок в подземья, должен об этом знать. Эблон послал Йоринга в ручку ржавой кочерги, потому как опасность опасностью, а жуть жутью, и добавил, что если страж тут самый храбрый, то пусть и слушает мертвяков сам. Илидор во время этого спора чуть морщился, потому что спорщики заглушали голоса призраков.

– Тьфу ты, – разобрал он слова пожилого, который презрительно кривил толстые губы. – Сколько слухов ходило про Ардинг, никто знать не понял, что там случилось, как так вышло, что город наполовину заполнился трупами, причем небитыми, а наполовину опустел. А выходит, целый город обосрался от ночных кошмаров! Да вашу кочергу!

Иган протиснулась между Йорингом и Эблоном, подошла к Илидору, тронула его за рукав.

– Значит, с тобой в подземьях безопасно? – спросила она, глядя на него очень серьезными карими глазами.

Дракон под напором чрезмерного доверия отступил на шаг и выставил перед собой ладони:

– Ничего подобного! Со мной тут тоже может случиться всякое, да хоть камень на голову свалиться! Горы меняются, что там дальше, во что они превратились в глубине – я даже не представляю, ведь...

– Это точно, – немедленно влез Эблон. – Там такая гадость творится, такое странное бывает – ух! Грядовые воители говорили, кое-где в глубине есть целые поля из камней, покрытых слизью, и то ли дело они исторгают из себя всяких поганых тварей. И кое-где лава стала красной и такой горячей, что даже близко не подойти! И еще призраки машин носятся по призракам городов и продолжают биться там с призраками драконов! И воители говорят, это всё змееглазые устроили, когда уходили, чтобы мы не очень-то радова...

Он осекся и захлопнул рот, громко клацнув зубами.

– Ничего мы не устроили! – возмутился Илидор. – Горы меняются не по своей воле, а потому что их равновесие нарушено! Ваши машины его и нарушили, когда прогнали отсюда драконов, вот потому теперь в глубине подземий появляются вредители и паразиты, растут странные вещи, меняется суть самих гор. Старшие драконы не желали этого, они боялись, что так будет, и так случилось!

Илидор снова развернулся на носках, сделал вираж вокруг обломка каменной стены, едва не задев призраков, которые уже вовсю орали друг на друга.

– Рано или поздно, – голос Илидора стал громким, мощным и страстным, наполнил весь гигантский зал, встревожил потеки каменных слез на потолке, – рано или поздно эти новые странные вещи противопоставят себя вам! Так же, как вы противопоставили себя драконам!

Гномы задирали головы, всерьез опасаясь, что сейчас потеки камней начнут срываться на их головы. Эблон отступал от Илидора, пока не запнулся об обломок каменной стены и едва не рухнул навзничь.

– Пока что их мало, – грохотал дракон, – и они слишком слабы, чтобы бросить вызов всем вам, но они уже стали частью гор! А вы – вы не победили навсегда, никто не побеждает навсегда, кроме тех, кто вечен!

Высказавшись, дракон как ни в чем не бывало снова обернулся к призракам, а эхо его слов еще долго путалось под куполом и звучало в ушах гномов. Молодой призрак меж тем сердито и беззвучно брякнул на стол кружку, пожилой навалился грудью на столешницу, и они продолжали орать друг на друга, потрясая кулаками:

– В Масдулаге мы отбивались, стоя по колено в кислоте, а потом Грульд Кулак организовал отступление с боями до самого Дарума! И жалкий Дарум сопротивлялся огню и яду целую ночь и два дня, пока не пал последний воин Грульда! Вулбен держался два месяца, а потом они устроили переброску войск к А-Рао! В А-Рао полёг весь отряд Бронги Лютой, ты слышишь, они все, все до единого гнома погибли, но не дрогнули, не убоялись, не отступили! А потом все в городе, от мала до велика, даже кто рядом с механистами не стоял – все взяли в руки поводки машин, чтоб кучно вдарить по змейским гадам, и многие погибли от лап машин, не признавших новых хозяев, у них ведь ни очков не было, ни шлемов, ничего! Ты меня слышишь? Дети гибли! Бабы гибли! Но кто выжил – повёл машины в бой и дрался храбро, как тысяча воинов! И теперь я слышу, что Ардинг пал! Ардинг пал из-за того, что все перепугались страшных снов! Драконов, снявших ужас, от которых вы там обосрались, под А-Рао машины в пыль разнесли! В мелкие чешуйки!

Илидор сверкнул глазами на призрачного гнома, и, как всем показалось, собрался отвесить ему пинка, но не отвесил.

– Горы вечны, – повысив голос, проговорила Иган. – И драконы почти вечны. Ты это хотел сказать, да?

– Мы понимали их лучше, чем вы, хоть вы и выгнали нас отсюда, – резко ответил Илидор. – Вы оторвали нас от гор, как руку от тела, и тогда от грусти Такарона, от его злости в недрах стало появляться... – он пощелкал пальцами, – странное.

– Откуда ты это знаешь? Тебя тогда не было здесь, тебя вообще нигде не было! Ты впервые пришел в горы Такарона меньше месяца назад! Ты не можешь понимать его голос так же хорошо, как старые драконы, которые жили тут давным-давно!

– Может, и могу. Откуда мне знать? – Илидор обернулся, вскинув брови. – И уж тем более – откуда это знать тебе?

– Я просто спрашиваю, – Иган взгляделась в его лицо, – своими ли словами ты говоришь сейчас? Потому что раньше твои слова были иными. Быть может, где-нибудь неподалеку сокрыто что-то еще, дающее тебе свои мысли? Кости дракона?..

Илидор вытянул шею, прислушиваясь к чему-то – не то под землей, не то за стеной, помотал головой, и спутанные золотые волосы на миг закрыли его лицо.

– Сейчас я слышу только этих призраков и гору. И еще... маленькую золотую жилу на северо-западе и воду на западе отсюда... Но, быть может, есть и еще кое-что, – неуверенно добавил дракон. Глаза его больше не горели яростью, и голос звучал совершенно обычно. – Может быть, там, под завалом – не только камни?

В молчании, свалившемся с каменных сводов, Илидор медленно двинулся вперед, прямо на призраков, но через миг те снова подняли шум: схватили друг друга за грудки и принялись выяснять, кто тут проявил недостаточно отваги на поле боя. Дракон прошел сквозь них, прислушиваясь к северной стене Узла. В спину ему неслась затихающая ругань.

Гномы смотрели, как он идет к северной стене, к завалу из поросших плесенью валунов, и по скованным движениям дракона понимали, что ему страшно не хочется туда идти. И еще всем вдруг почудилось что-то зловещее в этом движении, как будто Илидор неумолимо и неостановимо приближался к тому, к чему подходить не стоило.

– Эй, дракон! – хрипло позвал Эблон, и тот вздрогнул. – Чего-то тут не того! Слиться б тебе оттуда, дракон!

Илидор обернулся, бледный и сосредоточенный.

– Там под завалом – не кости, там призрак машины, – сухо пояснил он. – Я бы сам рад убраться от него подальше, но...

– Не машина там, – Эблон пошел за Илидором, обходя гномов-призраков, которые катались по полу, беззвучно мутузя друг друга. – Там что-то паршивое. Ты бы не лез туда, дракон, и дал дорогу прихожанину Храма солнца, который вершит великое начинание, изничтожая зло во славу...

Поперхнувшись пафосом собственной речи, Эблон Пылюга умолк.

Илидор долго стоял, прислушиваясь, хмуря лоб, бледный и смертельно желающий действительно не лезть.

– Я не ощущаю там следов живого, – в конце концов возразил он. – А мертвое не представляет угрозы.

– А ты вообще его ощущаешь? – Пылюга подошел, упер руки в бока, отчего чуть сдвинулась перевязь на груди, и выше поднялась над плечом рукоять молота. – Чувствуешь живое, а?

– Может быть, и не самих существ... но это Такарон, – отрезал Илидор и снова развернулся к завалу, – здесь я должен чувствовать угрозу.

– И от гномов?

Спина дракона напряглась, и Эблон ухмыльнулся.

– От гномов – нет. Вы – тоже дети Такарона. Давайте разберем этот завал, призрак машины может...

– Не лезь туда, я говорю, отвали и дай дорогу достойным! – повысил голос Эблон, протянул руку за молотом, обернулся к отряду в поисках поддержки.

Действительно, видя, что спор затягивается, и не желая перекрикиваться через весь Узел, остальные гномы направлялись к спорщикам, а за ними, морщась от каждого шага растертых с непривычки ног, шла Иган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.